

Анна Лайк

*Розы
и Папоротники*

Анна Лайк

Розы и Папоротники

«Издательские решения»

Лайк А.

Розы и Папоротники / А. Лайк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507254-2

...«Лихие девяностые». Молодая девушка, ученый-биолог, одержимая целью найти и наказать убийцу своего отца, знакомится с пожилым предпринимателем, близким к уголовным кругам. Тот ли он, за кого себя выдает? В смутные времена смешались любовь, обман, преступление, спасение и возмездие... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-507254-2

© Лайк А.

© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
ВЕСНА	6
СУБСТРАТ	18
СОЦВЕТИЯ	32
СПОРАНГИИ	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Розы и Папоротники

Анна Лайк

© Анна Лайк, 2019

ISBN 978-5-0050-7254-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Не делай зла, и тебя не постигнет зло; удаляйся от неправды, и она уклонится от тебя».

(Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова. VII, 1,2)

«Это было как инфекция. Мы были такой инфекцией...»

(Аноним, участник и глава региональной ОПГ, дважды судимый за разбой и вооруженное нападение в составе преступной группы, – о своей жизни в 1990х годах).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВЕСНА РОЗЫ И ПАПОРОТНИКИ

Ранняя весна 1997 года. Россия. Где-то под Петербургом.

- Ты че тут делаешь?
- Ухаживаю за растениями в оранжерее. Константин Сергеич приказали.
- «Приказа-ли»? выпендриваешься?
- Я пошутила...
- Ты че, дерзкая, что ли?

Круглое серьезное лицо, жесткие складки вокруг широкого рта, узкие губы презрительно сжаты, взгляд темных глаз мрачный и холодный, и очень короткая стрижка... Друг Хозяина... Девчонка, работающая в оранжерее – серо-зеленые глаза, русые пряди из-под выгоревшей черной банданы, кукольное личико, бледное и испуганное. Она чуть вздрагивает от его следующего вопроса, заданного тихим, хриплым, прямо—таки бандитским голосом, но вдруг так же сжимает губы (они дрожат) – очень похоже на него, на Друга:

- А это что?
- Это – папоротник... блехнум горбатый, блехнум гиббум...
- Чевооо?!
- Папоротник. Просто папоротник.
- Горбатого, што ли, лепишь...
- Что вы имеете в виду?
- Что имею, то и введу... Я еще понимаю – пальмы тут, ананасы, а это-то зачем?
- Константин Сергеич... пожелал, чтобы в оранжерее росли... розы, папоротники, гербера, аспарагус... эээ... аспидистра... монстера.
- На хрена?
- Я не знаю... но он сказал, чтобы это были растения, из которых обычно в магазинах букеты составляют.

Он недовольно смотрит на розы. У него нос «уточкой» – сломан был, что ли? Этот грубый лобастый мужик явно не в настроении, но разве она тому причиной, хотя... не стать бы вдруг каналом какой-нибудь агрессии, случайной куклой для битья. Спокойнее, спокойнее надо.

- Ты про них все знаешь, да?
- Не все, но что-то знаю.
- Расскажи че нить.

Ой, блин, страшно... Ее предупреждали в кадровом агентстве: хозяева и гости этого дома – люди сложные. «Охранный, кхм, так сказать, бизнес... – Менеджер агентства, многозначительно глядя Лене в глаза, кивал ей, – обстановка конфиденциальности...» Лена смотрела на него как загипнотизированный змеей кролик и тоже кивнула. Ситуация прояснилась, когда она увидела поближе местных обитателей – хозяина того же, урода, бандитские рожи его

сопровождающих-оруженосцев (видимо, охранников), и гостей: сразу стало ясно, что лучше к ним и не подходить, и не приближаться. И лучше всегда помалкивать. Еще более далеко идущие выводы она сделала, однажды увидев у двоих страшных мужиков, стоявших возле черной большой машины, припаркованной на заднем дворе дома-дворца – оружие, автоматы, а в теленовостях что-то было про нападение на какого-то предпринимателя и перестрелку где-то на окраине города. Жуть...

Но если спрашивают – куда деваться? не молчать же. Хозяевам жизни как-то не принято отказывать. А что ему рассказать-то... А, да, – розы.

– Тут... розы... вот, видите... миниатюрные. Хорошо для оранжерей. И для букетов. Они... эээ... стойкие, в смысле – не болеют, и света им не так уж много нужно, как... как... как остальным видам роз. И обрезку хорошо переносят, потому что тут... как сказать – их и обрезать надо сильно, для формирования бутонов, и зеленую массу оставлять – это им тоже нужно, для... неважно. И их специально выводили для теплиц, эти сорта. Но они и в саду будут хорошо расти. Если ухаживать нормально.

У него такой вид – не понять, слушает он или думает о чем-то своем. Смотрит на розы.

– В Сибири розы не растут.

Она и не рассчитывала, что он вступит в диалог. Ей надо что-то сказать? Что?

– А... вы... где, то есть откуда... из Сибири?

– Иркутск.

Она там не была никогда и вряд ли туда поедет. Деньги ей нужны на другое. Много денег. Если, конечно, удастся подзаработать как следует здесь, у хозяина этого роскошного огромного дома на тридцать комнат, от которого постоянно пахнет водкой (от хозяина, не от дома же!), с огромной же оранжереей из двух отсеков, с полутемным тамбуром – переходом между ними; и с гаражом на десять машин, и с садом чуть на не гектар, и с открытым бассейном с подогревом (открытый бассейн! здесь! на севере!), и с прудом с зеркальными карпами и парой лебедей, и с парой пони в загончике, и с огромным тиром-стрельбищем на заднем дворе... Если удастся заработать, если дадут, и не выгонят. Надо, чтоб не выгнали – деньги здесь ей платят опупенные. По сравнению с тем, что бы она заработала в научном институте по своему профилю. Или в магазине. Пока – платят. Ясно же, что оранжерея – это случайная придурь хозяина; розы с папоротниками вместе – это же смешно... Иркутск. Это далеко. И что он делает здесь, в культурной столице? Спросить – страшно. Это для нее – вежливое продолжение беседы, а для него, скорее, – праздное любопытство, не получить бы в лоб, лучше промолчать – быстрее отвяжется. Да и работать надо – работы до фига, папоротники и розы плохо уживаются в одной оранжерее, одним – влажность и тень, другим – солнце и жара, и влажность. Но желание хозяина – закон.

Какой у него парфюм? Очень приятный аромат. Сразу понятно, что очень дорогой, редкий. И сразу ясно, что мужской. Брутальный.

А он – симпатичный? Большие черные глаза...

Гость хозяина переводит свои большие черные глаза на нее, смотрит внимательно ей в лицо, потом меряет всю ее взглядом, с головы до ног, уверенным, придирчиво-мужским. Смотрит на ее худенькие ноги, обтянутые тонкими черными лосинами и криво улыбается. Девчонке кровь бросается в лицо, ее словно поймали на месте преступления, ей становится вдруг очень душно в жаре оранжереи, она сглатывает комок в горле, опускает голову и слышит его хмыканье. Он поворачивается уходить: песок чуть скрипит под его ногами, она смотрит

на них: она такого никогда не видела, это слишком, слишком дорогая обувь; черная тонкая кожа туфель натянута на колодке идеально, до зеркальной гладкости; точеный каблук – произведение искусства.

– Красивые... цветочки.

Она, не поднимая головы, кивает и шепчет: «спасибо» и все смотрит на его туфли, удаляющиеся по песку оранжерейной дорожки. Шаги, тихий аккуратный скрип. Лена украдкой смотрит: какой он, этот мужик – широкоплечий, коренастый, круглоголовый, крутая мощная шея, и он чуть раскачивается при ходьбе на крепких ногах. Про таких говорят: «от всего облика веет силой».

Как его зовут? Сколько ему лет? Лет сорок где-то.

Вздыхнув, она опускается коленями перед кустом розы Cinderella на кусок мягкого пластика, берет садовую лопаточку; в этот момент дверь первого тамбура оранжереи, ведущая из дома-дворца, хлопает – и сюда врывается хозяин дома-дворца, Константин, блин, Сергеевич, – лопоухий, курносый, блекло-желтые глаза вытаращены, – и выпаливает, запыхавшись:

– Где, Олег?!

Душный воздух оранжереи приносит легкий запах водки. Лена, чуть подумав, встает с коленок, потому что ей кажется, что она должна всегда стоя разговаривать с хозяином, и переспрашивает, стараясь казаться вежливой:

– Какой Олег?

Константин Сергеевич крутит руками с растопыренными пальцами в воздухе:

– Ну вот, круглая голова такой, сюда пошел...

Она машет рукой дальше по оранжерее.

– Там.

– Ага.

Константин блин Сергеевич, – сокращенно Кабээс, они все его так называли, – уносится в указанном направлении. Влажный песок дорожки визжит под его ногами. Лена провожает хозяина глазами и задумывается.

Олег. Его зовут Олег.

* * *

...Обслуживающий персонал дома-дворца встречался два раза в день за обеденным столом – кормили здесь бесплатно. Двое разнорабочих, Петя и Коля, смакуя, постоянно обсуждали достоинства новых хозяйских машин, благо те появлялись чуть не каждый месяц. Машины Константин, блин, Сергеевич – с Лениной легкой руки все начали звать его именно так, или сокращенно, Кабээс, – частенько разбивал, пьяный. Убавляя голос, Петя еще и зло издевался над покупательским задором хозяина. Перечислялись названия марок машин класса «люкс», Коля в ответ медленно кивал. У Коли, кстати, был слегка умственно-отсталый вид, – неподвижный взгляд, замедленная речь, на голове – неизменная вязаная шапочка. Лоб весь в шрамах.

Горничными были две милостивые тетки, обе – в возрасте «за пятьдесят». Смысл такого кастинга Лена поняла не сразу. Эти взхлеб обсуждали количество и качество съестных припасов в кухне, мебель во дворце и иногда – наряды хозяйки, жены Кабээса, на которые удавалось полюбоваться в ее шкафах в ее отсутствие. Была еще кухарка, готовившая еду на всю ораву – хозяев и слуг, но она всегда невидимо обреталась во второй кухне наверху, в домедворце и с остальными не общалась, – кроме Коли.

Весь видимый персонал (кроме дегенерата Коли) дружно боялся и ненавидел и хозяев и их гостей. И чудовищно лебезил перед ними.

А Лене – не приходилось пресмыкаться ни перед кем. Константин блин Сергеевич, от которого пахло водкой, моргая, долго рассматривал ее университетский диплом и явно был впечатлен ее резюме. «Аспирантура, учебная практика... ну, соображаешь, как видно. Иди, работай. И чтоб оранжерея была – как у всех, только лучше. Поняла?». Раздавая указания о том, что выращивать, в духе – «пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю, что» – КБС в присутствии Лены почти никогда в оранжерею не приходил. Да хоть бы и зашел – она бы ему ответила на все вопросы, у нее все получается, а что не получается – получится. Ну, со временем. В саду были газоны и декоративные кустарники, их подстригал, по указаниям Лены, более смысленный Петя.

Хозяйка же – смазливая девица невнятных лет – то ли тридцать, то ли все пятьдесят, – была к оранжерее полностью равнодушна, и почти всегда полупьяна.

Дети у Кабээса тоже были, по сведениям горничных, они учились где-то за границей и в России мало бывали.

Кормили хорошо, привозили и увозили на работу – с работы, платили прилично, Лена даже купила сотовый телефон (и видик! видик, чтобы пересмотреть на кассетах всю мировую киноклассику); работа была ей знакома и нравилась, в дела хозяев она не лезла, и все бы ничего, только – не давал ей покоя этот Олег. Эти глаза, эта мощная гордая шея в вырезе пуловера, крепкая коренастая фигура. Весь такой – и пугающий, и притягательный. «Тьфу», – плевался в такие моменты в голове Лены эстетствующий интеллигент, знакомый с классикой литературы, – «банальщина». Впрочем, что толку себя ругать, всегда, когда кто-то ей нравится – мозги у нее выключаются. Другое дело – почему нравится? Ведь совершенно понятно, что ничем хорошим по жизни местные обитатели не занимаются, имея при себе автоматическое оружие и вроде как его... применяя? «Крыша», «стрелка», и «наезд» – это явно к ним и про них. И понятно также, что Олег этот – какой-то подозрительный криминальный деятель, «авторитет», но почему-то очень интересно: а человек он – какой? Невозможно же, чтобы настоящий душегуб вот так вот спокойно разгуливал по улицам в ботинках Барберри Лондон, благоухая изысканным ароматом, дивной смесью кедра, лаванды, ванили... Кажется, это называется – фужерный запах? В переводе «папоротниковый». А папоры и правда сладковато пахнут в лесу. Или разъезжал по улицам... на чем? Интересно, кстати, – а какая у него машина? Или «мерс» или «бумер». А он женат? А дети? Вид у него все же какой-то холостяцкий.

Да нет, ну нет, ну это же невозможно! Страшно ведь. Она не знает, кто они такие, местные жители, и не дай бог узнать, и лезть к ним не надо, и они близкое знакомство не приветствуют; и тех мужиков с автоматами она увидела случайно. Как потом выяснилось, в тот день всю прислугу утром вдруг согнали в автобус и повезли с территории усадьбы в город, а о Лене просто тупо забыли. А она пошла за землей на задний двор – не хватило для роз, и увидела. Землю она так и не взяла, в ужасе вернулась в оранжерею, пометалась там в иступлении ума: что же делать, что же делать? Но поскольку никто не шел явно ее убивать, – постепенно успокоилась и решила, что самым лучшим будет продолжать работать. Вписаться таким образом в окружающий пейзаж, может, и не заметят. Зверообразный мужик, «бык», как он называется

на их языке (это объяснил ей знакомый, Костик, увлеченный блатной романтикой) допросил ее потом в оранжерее: где вчера была с одиннадцати до часу, че видела? Она сказала – сидела тут, вот, розы, эээ... окучивала. «Покажи». Показала. «И вот это еще пересадила», – на самом деле, папоротник был пересажен еще раньше, но «быку» необязательно об этом знать. Он все равно посмотрел на нее подозрительно, но отстал.

...В пятницу, ближе к вечеру, когда она работает в первом отсеке оранжереи, к крыльцу дома-дворца подъезжает черный «бумер», и с переднего пассажирского сиденья вываливается... Олег! Пьяно пошатнувшись, он наклоняется к задней дверце машины – из-за белой шелковой расстегнувшейся (ой, живот какой красивый, какой пресс!) рубашки выпадает и начинает раскачиваться на толстой золотой цепи золотая же круглая бляха-подвеска... Расхристанный, раскорячившись, как пьяный матрос на палубе корабля, шатаемого бурей, Олег вытягивает из салона машины за руку одну девицу, разряженную наподобие новогодней елки, потом – вторую, одетую также безвкусно и вызывающе, но еще к тому же и карикатурно грудастую... Обе они, тоже пьяные в дупель, повисают на нем, гогоча во всю глотку, визжат, как ненормальные, когда Олег, почти невменяемый, впивается поцелуем сначала в шею одной, а затем – в обширное декольте другой... Облапив обеих за выпуклые зады, он ведет их к двери дома-дворца. Всю группу сильно штормит, и только – это очевидно – благодаря усилиям ее лидера они не падают со ступеней крыльца.

Лена видит всю бесстыжую троицу через стекло оранжереи, в том месте, где она выходит к парадному крыльцу хозяйского дома. «Мне бы такой бюст, – я бы тоже не работала», – шепчет она с ненавистью, отвернувшись от гнусной сцены и обрывая старые листья папоротника. С досадой тут же понимая, что эти бабы безмозглые тут совершенно ни при чем, и не злилась бы она, если бы они висли на ее хозяйине, Константине блин Сергеевиче. Вообще не обратила бы на это внимания.

А вот на этой крутой мощной шее с массивной золотой цепью на ней она сама бы хотела повиснуть.

Хотя – как повиснуть? Она даже не могла подойти поближе к нему, зачем бы она это сделала? Что она ему скажет? Она его совсем не знает, а он здесь, в принципе, вообще-то – хозяин, а она – прислуга. Оранжерея здесь, в общем-то, на фиг никому не нужна. Так, блажь. Или – «понты», как Костик говорит.

Спокойно. Это не смертельно. Да и не навсегда. Но для начала – надо о нем побольше узнать, об Олеге. Но как?

Горничные. В отличие от Лены, они проводили рядом с хозяевами больше времени. Они ей нравились обе, Женя и Вика, полноватые, добродушные, работающие, блондинка и брюнетка – их хлебом не корми, дай посудачить о ком угодно из телевизора. И стоило Лене только похвалить – у Жени – волосы, действительно роскошные, черные, длинные, пышные, а у Вики – «стиль работы», что после ее уборки – пол как языком вылизан, да рассказать, что смотрела передачи «из жизни звезд» (всего две, правда, – про этого, черта, как его, Прокоповича из Поля волшебства, и эту, как ее... дьявол, забыла; короче – из группы Сверкающие) – и для нее открылся неиссякаемый источник сведений о частной жизни хозяев.

Что хозяйка иногда бьет хозяина... («За что бьет-то? – Как – за что, Лена... За бл*... во, конечно...»)

Что хозяин любит очень молоденьких девчонок, и привозит их для себя, в основном, парами...

Что продуктов в кухне, и воды, и водки – запасы как на случай атомной войны...

Что подвалы в этом доме – больше, чем сам он. И что там хранится – неизвестно. Но однажды оттуда выгружали какие-то ящики.

Что в этом доме сейфов – как в коммуналке тараканов. И явные, и тайные... чуть не в каждой комнате.

Что в подчинении у КБСа – человек двадцать молодых крепких парней, спортсмены такие, рожи страшные... Приезжают изредка на шашлыки, пьют водку и стреляют на заднем дворе по бутылкам, возле какого-то неприметного сарая...

Что приезжают иногда и «гости дорогие», обслугу тогда ставят перед фактом- подготовьте все быстро и выметайтесь по домам. Автобус их обычно уже ждет.

Что иногда, когда нет жены Кабээса, весь дом-дворец на пару дней превращается в форменный бордель... Перевернутая и сломанная мебель, разбитые бутылки, простыни «черте в чем», иногда утром еще кое-где в кроватях девки спят-досыпают; лужи блевотины, какая-то белая пыль на столешницах, грязные шприцы...

(«И этот, круглоголовый, тоже пьет с ними вместе?» – Ну, иногда... Но вот уж он любитель баб, так любитель, привозит сюда каких-то, каждый раз новых... Вот уж любитель, так любитель...»)

Что КБС – что-то вроде «ширмы» при каких-то людях, и дом – не его, или его, но многие из здешних посетителей об него просто ноги вытирают.

«А кто вытирает, Вика?»

«А вот этот, круглоголовый, что на тебя наехал с розами-то...»

«А откуда вы знаете про розы?»

«Да я чего-то я пошла в дом через оранжерею, а там – вы с ним. Он такой злой... Я назад...»

(«Это не дом, это проходной двор какой-то!»)

«Он вообще теперь любит в оранжерее бывать, а потом проходит в кухню и – на задний двор. Так ведь короче, чем весь дворец проходить и парадную лестницу... мрамор ее мыть – это ведь беда просто...»

«А почему решили, что с розами наехал?»

«Так ты потом на них так накинулась, на эти розы, копать там возле них... Мы и подумали, что он тебя отругал за розы...»

«Он не ругал...»

«Тебе повезло... КБС и он постоянно друг на друга гавкают, и на других он тоже ругается. Мы не слушаем, ну их, еще слушать это...»

О сути ругани узнать так и не удалось – горничные попросту никогда вслушивались в эти разговоры. И правильно делали, между прочим, подумала Лена. А ей, за ее праздный интерес, и влететь может.

Еще, вспомнили эти тайные свидетельницы частной жизни хозяев дома-дворца, одного из страшных «бойцов», из чистой придури стрелявшего в воздух возле маленьких лошадок-пони и испугавшего их этим до поноса, «этот круглоголовый» избил лично до кровавых соплей.

Еще, рассказала толстуха Женя, когда прямо в кухне у нее «прихватило сердце, думала, – помру», и об этом сказали хозяину, присутствовавший при том Олег погнал личного водителя КБСа вместе с ней в больницу; и дал денег на лечение.

«Приняли в больничке, как гостью дорогую, лежала, как королева, в отдельной палате, медсестры так и крутились... проплатил он им, видать, хорошо...»

А еще – этот слегка умственно-неполноценный Коля был когда-то нормальным, но вследствие некоей травмы стал инвалидом. И его круглоголовый взял на работу сюда.

«У него, у Коли-то – полбашки *люминиевые*... – Может, титановые, Вика? – Не, Лена, *люминий* там, правда...»

А еще – Олег не хамит прислуге. Не гоняет из-за всякой ерунды. Правда, и не замечает, просто мимо смотрит.

Нда, – «*люминий*» там, «*чугунный*»... Он, видите ли, не чужд благотворительности. Интересно... А уж какие у него ноги интересные... а шея...

Она думала об Олеге постоянно, день и ночь. Летела на работу каждый раз в надежде на встречу. Начала краситься – несильно, чтобы не бросалось в глаза. Пока она работает в оранжерее, ничто не мешает ей думать о нем.

А по ночам... О, этот ночной кошмар! Эти глаза черные бездонные, эта крепкая, ну просто бычья шея, эти широкие, чуть покатые плечи!.. Если бы не растительный состав (валериана-пустырник-мята-хмель, днем,) и не один транквилизатор (по фальшивому рецепту, берегла как глаз, таблетку на ночь) – вряд ли бы ей удавалось тогда засыпать вообще...

А спать было надо. Как раз для того, чтобы действовать днем. И действовать правильно.

Естественно, мироздание устроило так, что после получения всех этих животрепещущих сведений Олег и близко не подходил к Лене целую неделю; один раз она видела, как он разговаривал с кем-то на крыльце дома-дворца, поглядывая на стекла оранжереи. Все время он, в компании Кабэса, осматривал какие-то машины, которые пригоняли в усадьбу, привозил каких-то мужиков – судя по виду, бизнесменов, в деловых костюмчиках; маячил с кем-то из них в саду. К концу недели Лена извелась окончательно и поняла, что готова бросить эту работу, и поискать другую, лишь бы только иметь возможность видеть его. Поразмыслив, решила не валять дурака и просто оставаться в оранжерее подольше, чтобы встречать его почаще. У обитателей дома-дворца, по всей видимости, в чести ночная жизнь...

Повод нашелся: она работала восемь часов в день и все равно многое не успевала – оранжерея была не маленькая. Да еще сад! С кустами и газонами.

Хозяин, от которого упорно пахло водкой, был удивлен предложением, но не возражал:

– Хочешь работать дольше? И скока ты теперь хочешь?

– Нисколько. Хочу за это три выходных, вместо двух.

– Смотри, автобус из-за тебя гонять не буду – сама будешь добираться в город. Ну ладно... И ты, эта... – хозяин оценивающе окинул ее взглядом (да что они, сговорились?) – если надо там, тяжелое перетащить, землю, дрова, – он хохотнул – бери любого мужика, из слуг, и тяни его за это... эээ, на это.

– Спасибо, Константин Сергеевич.

Предпринятые меры не замедлили сказаться. Дело было часов в девять вечера, в пятницу, она работала в оранжерее. Прислугу уже услали по домам, у хозяев была очередная гулянка. Как сообщила Лене перед уходом Вика (весь персонал, кроме Лены и Пети, уже уехал), Олег приехал, и с ним еще две женщины. Лена сидела на кухне, отдыхала и вслушивалась в отдаленные звуки музыки, доносившиеся из дома-дворца... «Блин, как Мальчик у Христа на елке», иронизировала одна сторона ее души. «Сижу, слушаю, прям щас заплачу, если его не увижу», – страдала другая сторона. «Пойди лучше поработай, – говорила первая, – дурь-то и пройдет. – Пойду лучше поработаю, – соглашалась вторая»...

Она вошла в темноту второго тамбура оранжереи и уже взялась за его металлическую ручку, как увидела... Олега, он...

...он совокуплялся прямо в оранжерее с какой-то грудастой телкой, просто задрал на ней ее обтягивающее золотое платье...

Лена застыла на месте, вся вспыхнула, сердце заколотилось, как бешеное, она оглянулась машинально по сторонам... но здесь, в этом уголке оранжереи, росли высокие кусты фикусов и две пальмы, и парочку не было видно как минимум с трех сторон. Она дернулась – уходить, но осталась, хотела не смотреть – но смотрела... движения, звука не было слышно – стекло мешало; она смотрела, борясь с начинающимся головокружением: да он красавец, какая задница – мускулистая, круглая, как он движется красиво...

Лена прижала ладони к горящим щекам, но смотрела, смотрела, смотрела... Сердце все колотилось, но уже потише. Да ладно, все тут люди взрослые... В золотом – шлюха, сволочь. Да я-то не лучше. Какая разница, как деньги люди зарабатывают. Кто как может, тот так и... работает. Она-то, Лена, – тоже хороша. Мало того, что работает неизвестно на кого, жизнь ему украшает цветучками, так еще и влюбилась в местного «менеджера», заплочных дел мастера... влюбилась в этого развратника, подсматривает за ним, вся извелась по нему, боже мой, какая у него задница, какие плечи, ручищи, как он яростен... как он... ее... трахает... красиво, красиво... только бы в обморок не... голова моя... если бы еще эта шлюха не разевала рот так противно... как он прекрасен, развратник... Да не вертись ты, дура, ему же неудобно!

«Развратник», тем временем, весь напрягся, ускорился до степеней невероятных... Виски у Лены вдруг заломило до тошноты, она зажмурилась, чувствуя, что еще немного – и свалится в обморок...

Но – не свалилась. Когда чуть утих стук крови в висках, она решила открыть глаза – девица уже одергивала платье, потом обняла Олега, а он с довольным видом похлопал ее по заду и качнул головой: мол, иди. Девица пошла к выходу, а Олег задержался, приводя в порядок одежду...

...и вдруг резко обернулся в сторону, где в темноте, всего в метрах в двадцати от него, затаила дыхание Лена, и вонзился взглядом в темноту тамбура оранжереи. Лена дрогнула, испугавшись, но уйти не решилась, и смотрела – понимая, что ее все равно не было видно. Постояв, напряженно повглядывавшись в темноту, он видимо расслабился, – улыбнулся, отвернулся, дозавправил шелковую рубашку в брюки и пошел к выходу из оранжереи.

Здесь у Лены затряслись ноги, и она рухнула коленями на пол тамбура, обессиленно села на задницу, повесила голову... Долго смотрела исподлобья на светлый, поблескивающий песок дорожки, ярко-зеленые вайи папоротников, рдеющие бутоны роз Beauty Secret, сияющие золотом цветы Casanova...

Потом вытерла рукой холодный влажный лоб, выдохнула. Встала, отряхнула колени и вошла в оранжерею – надо еще папоротники полить-опрыскать.

«Не забывай – ты тут ради денег, ради денег ты тут, это сейчас самое главное...»

...В общаге биофака, особенно в летнем лагере, тоже всякое бывало, и девочки в комнатах мальчиков жили, со всеми сразу, и Лена сама – давно уже не девочка, но тут...

Надо же, мброк какой, наваждение, гипноз... Куда бы она ни пошла, чем бы не заняла себя, свои руки – всюду она видит эти странные, как будто глядящие куда-то внутрь себя, черные глаза, эту крепкую шею, коренастую фигуру с выпуклой широкой грудью... а теперь будет видеть еще и эти круглые ядренные ягодицы... ах ты боже ж мой, ну черт вот ее понес в оранжерею вечером, с чего они решили, что это самое подходящее место для совокуплений, «сады Эдема», черт бы их взял...

Диссер совсем забросила. Ну и ладно. Успеется. Виктор Петрович, научный руководитель, сказал: «Леночка, я очень даже вас понимаю, – материальный фактор сейчас главнее для

многих. Только не забрасывайте надолго. На год-два можно отложить, конечно, но не больше. Потом будет очень трудно втянуться снова в работу».

Год – два...

Не думать невозможно, а решиться подойти к нему... Что она скажет? «Хочу тебя безмерно»? «Я вся горю, любимый, я твоя»? Между прочим, она здесь – на положении обслуги, персонала.

А каких красивых девок Олег привозит! Конечно, они сильно накрашены и разряжены весьма пошло, но – не упускает ли она, Лена, что-то в своей жизни, выбирая навсегда потертые джинсы, поношенную футболку и отсутствие макияжа?

Ах, да! Еще и «не опасно» это совсем! Как на сломанной качели или неисправной машине кататься. И не надо забывать про те автоматы на заднем дворе.

Самую малость утешало то, что Олег явно был не рядовым бандитом (или «бойцом», «быком», как объяснил Костик), а кем-то вроде начальника, местной «шишки», «бригадира». Это явствовало из его независимого поведения, сдержанно-повелительной манеры общаться с «коллегами», как иронично называла их Лена – Константином блин Сергеевичем, рядовыми страшными бойцами, и немногочисленными гостями в деловых костюмчиках, наезжавшими в дом-дворец утром или днем. Если правильна была ее интерпретация путаных, сбивчивых рассказов простодушных Вики и Жени и собственных маленьких наблюдений о частной жизни обитателей дома-дворца, представителей чужого, криминального, мира. Что она знала о них? Почти ничего.

Хотя – нет, что-то знала... какие-то легенды. Что нынешние бандиты – это тебе не просто «гоп-стоп, мы подошли из-за угла», они уже – бери выше... кидай дальше. Эти «трясут», или облагают денежной данью уличных торговцев и других коммерсантов, якобы обеспечивая им безопасность, им же дают деньги под процент, который называется «лучше не брать», ездят на «шестисотых» мерседесах и носят малиновые пиджаки... еще устраивают перестрелки и слушают блатной шансон... «Владимирский центраааал... ветер северный хлестнет... боль по сердцу полоснет...» О господи. Централ – тюрьма. В которой, кажется, почти все из них сидели... или сидят. На севере много колоний строгого режима. Волга впадает в Каспийское... Сидеть в тюрьме они... любят? Или, по крайней мере, не так боятся, как остальные.

«Джентльмены удачи. Блин».

Это Лена сказала вслух. Вот, уже сама с собой разговаривает. Пора это дело прекращать, или туда, или обратно, как говорится.

(Она выключила воду в садовом водопроводе, переложила упругие кольца шланга на другое место, снова включила воду, направила струю на кущу папоротников... вода с тихим шипением полилась, вайи радостно дрогнули под ее легкими, на излете, брызгами, весело заблестели, мокрые...)

Субкультура. Данные почти «из первых рук», усмехнулась Лена: двоюродный брат Алины, подруги детства, Костик, вечно полупьяное трепло, любитель легких наркотиков, на всю голову ушибленный «блатной романтикой», систематически радовал сестру и ее подругу своими рассказами о мире современной уголовщины. Сидя вечерами на кухне у Алины, и поглощая ее борщ под ее же халявную водку, Костик отрывисто вещал об очередной драке или перестрелке, якобы случившихся где-то в городе. Подруги иронично переглядывались, так как от вопросов, уточняющих, в том числе, время и место события и его собственную роль в нем, Костик всегда уклонялся. Рассказы изобиловали словами «бык», «авторитет», «вор в законе»; «бригада» и «наезд», «приземлиться» и «откинуться». Станные слова этот поклонник маргинальной культуры горел стремлением объяснять девицам, и в большинстве случаев объяснял – с примерами, но коряво и маловразумительно; и в общем, они всегда слушали его в пол-уха, считая, что все его грубые и примитивные истории – просто дворовые сплетни, впополам с дешевой похвальбой или наветом. «Хватит врать-то, – говорила Алина,

выслушав в очередной раз о том, что костиковы „братаны“ „вальнули“ где-то какого-то „авторитета“, и „сами все полегли“; тебя послушать – так уже половину Питера перебили на этих, как ты их называешь, „стрелках“. – Зачем – Питера? – удивлялся этот вестник ИТК, – да ты знаешь, сколько сюда народу понаехало! Из Мурманска, Новгорода, Тамбова, Великих – как их там – Лук, Казани, Воркуты, Иркутска... мало ли откуда? Да и то сказать – бандиты долго не живут... Такая жизнь...»

Поев и выпив, Костик, за спиной у Алины, подмигивал Лене, и, выждав, пока сестра отойдет по какой-либо надобности, начинал заговорщицким шепотом: «Слышь, малая, хошь бабла срубить по-быстрому? Я договорюсь с ребятами насчет сауны? и подругу возьми... Только не Алинку!» Лена смущалась и отнекивалась, Костик начинал распускать руки, и экстренно вернувшаяся на место событий Алина налетала на него: «Ты что? офонарел?! ты ж с ней вместе вырос! – Да что, у нее от этого одно место заросло?» – глумливо защищался горе-сводник... Подруги смотрели друг на друга. «Родная кровь, – упавшим голосом говорила Лене убитая хамством кузена Алина, – на улицу же не выкинешь, его же там свои же друзья-блатные заклюют, дурака такого...» Лена ухмылялась понимающе, потом задумывалась: про совместные женско-мужские посиделки в сауне ей приходилось слышать в парилке обычной городской бани, куда она ходила с матерью – ради банной эстетики. Дневные ее посетительницы, – продавщицы с ближайшего продуктового рынка, пожилые тетki с корявыми, натруженными жизнью телами, – болтали на досуге, сидя на полке, о ночной жизни помывочного заведения, хохотали над проститутками и их клиентами: «Заодно и помылись!» Все это было далеким от Лены, как жизнь на Марсе, а мать брезгливо поджимала губы, шипела «ворье, дебилы, бандиты» и хлестала Лену полотенцем за попытку сесть голой попой на полку: «Здесь грязь кругом!»

Короче, грязные дела и делишки, отъем того, что тебе лично не принадлежит, из случайной практики возведенный в ранг жизненной философии, плюс половая распущенность, моральное и бытовое убожество – такими всегда и везде рисовались типичные представители уголовного мира.

Но что такое было тут, в этом доме-дворце?

За спиной прозвучало – тихо и хрипловато:

– Привет.

Она вздрогнула и оглянулась: Олег стоял у второго тамбура. Лену обдало жаром; не слышала, как вошел. Пришел со стороны кухни, видимо. Она даже его не сразу узнала: он улыбался. А он, оказывается, умеет улыбаться, но тоже вот так – сжав губы. Мягко подошел поближе, и она поднялась с колен, пытаясь остановить начавшееся какое-то вращение в голове. Справилась с этим, но мысли ее все улетучились, и она просто уставилась на Олега, а он остановился метрах в двух от нее. Волосы у него темные, короткие, с проседью. Той, что так красиво называется «соль с перцем». Дорогая красивая рубашка, – темно-синий шелк; серые брюки. Как на нем это все сидит – замечательно просто... Лена смотрит, раскрыв глаза, какой он весь – ладный, статный, широкоплечий, узкобедный. Выбрит – аж до блеска. У него красивая смугловатая кожа, и цвет лица... такой, здоровый. Не стоит и сомневаться, что он всем нравится. Всем бабам. Совсем не стоит.

Снова повеяло его парфюмом – свежим, горьковатым, древесно-травяным. Кедр и лаванда. И ваниль. И – глаза, темные, бездонные.

– Привет, незабудка. Я на тебя наехал в прошлый раз. Был охреневши от дел. Не бери в голову.

– Я... – она вдруг охрипла и кашлянула, – кх, я не беру.

Какие у него глаза. Он улыбается, спокойно, ласково, но на дне этих темно-карих глаз – тень, пустота... или это она себя накручивает?

– Тебя как зовут?

– Елена... а вы – Олег, – выпаливает она, не успев подумать толком, что делает.

Он удивляется, вздернув слегка правую бровь.

– Откуда знаешь?

– Константин Сергеевич... вас искали. В тот раз. И назвали... назвал по имени.

– Эээ, задрыга он... – Смотрит на нее, улыбаясь. Улыбка его не нравится Лене, но не тем, что заинтересованная или игривая, а... она слишком отеческая, что ли. – Тебе сколько лет?

– Двадцать пять.

– Совсем большая, – улыбается он.

– А вам? – брякает, удивляясь собственной смелости, она.

– Тебе зачем, – он тихо смеется, – я старый. Сорок два.

– Не старый, – тихо говорит она. – Совсем не старый.

Он замолкает, перестает улыбаться и смотрит на нее внимательно. Какие все-таки у него глаза мрачные. Лене кажется, что она как будто чувствует невидимые нити, протягивающиеся между ними, они натягиваются и тихо звенят. Не пугает ее чернота этих глаз, эта пропасть. Что-то есть в нем такое... не описать словами.

Она снова слегка кашляет, прочищая горло. И – решается. Она делает шаг ему навстречу, и говорит нерешительно:

– Вы... ты... не хотели бы со мной встретиться? Не здесь.

Он не удивлен. Нисколько.

– Встретиться, – повторяет он, безо всякого выражения, – не здесь.

И снова меряет ее взглядом с головы до ног, но уже не так, как тогда, а – слегка озадаченно и заглядывает ей в лицо – почти ласково... Она вдруг чувствует легкий запах алкоголя – от него. Это хорошо, просто замечательно, что он выпил и в эйфории сейчас... «Ну же, ну» – отчаянно думает Лена, напрягаясь, и вдруг замечая, что он отводит глаза и разворачивается прочь от нее – уходить.

– Пока, забудка, – мягко говорит он. Голос тихий и хриловатый. – Еще увидимся.

И уходит. Лена остается, закусив губу. Она опять смотрит ему вслед и ей хочется плакать.

Но еще больше, чем плакать, ей хочется, чтобы снова посмотрел на нее, как тогда – самый первый раз. Как на женщину. Чтобы трогал ее... Эта его сила, эта мощь, которой она была свидетельницей, ей хочется взять у него, раз у него ее так много.

Примечания.

Из словаря Воровского жаргона.

Авторитет – представитель высшей группы в неформальной иерархии уголовников и заключенных (т.ж.с. «вор в законе»).

Бык – один из участников организованной преступной группировки (ОПГ), представитель ее низшего звена.

Вальнуть – убить.

Братан – участник преступной группировки, «брат».

Бригада – небольшая группа рядовых членов преступной группировки.

Вор в законе – см. Авторитет.

ИТК – исправительно-трудовая колония.

Крыша – от слова «крышевание» – покровительство и обеспечение защиты предпринимательской деятельности и бизнеса, в том числе незаконного, со стороны криминальных структур.

Наезд – агрессивная провокация по отношению к человеку со стороны других людей, или со стороны одной организации (преступной) к другой организации, а также предъявление каких-то необоснованных требований или обвинений

Откинуться – освободиться из мест заключения.

Приземлиться – получить тюремный срок, сесть в тюрьму.

Стрелка – деловая встреча представителей двух противоборствующих преступных группировок.

Задрыга – ненадежная женщина (с точки зрения уголовников).

СУБСТРАТ

– Я решила грудь увеличить.

Любимая подруга Алина – короткая стрижка, очки, сигарета с мундштуком, красный диплом биофака университета, – искренне удивляется:

– Куда? У тебя и так все нормально.

Лена начинает сомневаться: зачем она ей сказала? Они выпили водки с пепси на кухне у Алины, и она выпалила эту фразу про грудь, не задумываясь, привыкла подруге доверять. Но это – проблема. Сказать даже ей, что влюбилась в пожилого криминального авторитета, то ли грабителя, то ли бандита, и хочет быть похожей на девок, которые ему нравятся, – это стать просто посмешищем.

– Да так просто.

Алина надолго замолкает, курит, иногда поглядывая Лене в лицо. Лена старается сохранять индифферентность – сидит с невозмутимым видом.

– Ради мужика, конечно, – делает вывод Алина. Задумывается и потом спрашивает:

– У тебя – кто-то новый? Не представляю, чтобы ты пошла на это ради кого-то из нашей компании.

Лена хмыкает: да уж. Обычная компания, или даже тусовка, общее прошлое – школа, универ; дискотека-кино-велосипед, пиво-шаверма-прогулки по крышам... Еще – ночные кухни, «Архипелаг ГУЛАГ», «Мастер и Маргарита», «Доктор Живаго»...

Ничего особенного.

– Не ради кого-то. Ради себя. Я так хочу.

– Ради себя... – Алина задумывается, потом улыбается. – Тогда – давай!

Лена взяла деньги, отложенные ею на ремонт трехкомнатной материнной квартиры. Мать узнала и попыталась устроить скандал, но Лена напомнила ей, что сумма вообще появилась на свет благодаря ей, Лене, да и работает из них троих только она. Еще вытрясла из Кабээса двухмесячную зарплату – не хотел давать, но потом (при словах «это для матери») сжалился. Немного добавила денег Алина, зарабатывавшая написанием статей научно-популярного толка обо всем и повсюду, которые пристраивала в различные газеты и журналы, жуть как расплодившиеся в последнее время. В написании брошюрок для садоводов и огородников Алине помогала Лена, гонорар подруги делили пополам. Лена нашла тренера по аэробике и принялась осваивать косметические салоны в округе. Новый бюст ей соорудили в самой известной клинике города.

«Троечка» – нежно сказала пластический хирург. Лена посмотрела с недоумением на свою грудь – это она свой труд так оценивает, что ли? Потом догадалась: третий номер бюстгальтера, «троечка». Форма хорошая. В остальном фигура у нее была вполне удовлетворительная. Она высветлила волосы. Получилось здорово – золотистая блондинка с зелеными глазами. Массаж, входившие в моду эпиляция, солярий, маски для лица и тела, от которых кожа действительно начинала «сиять», стали ее почти ежедневным занятием. С недавних пор она стала наносить макияж, отправляясь на работу – над его концепцией они потрудились вместе с девчонкой-театральным гримером, бывшей одноклассницей Алины. «Делаем Ангела, – уверенно сказала Эмилия, гримерша, – внешность у тебя полудетская, личико узкое, носик тонкий,

небольшой, глазки распахнутые... Но в глазах черти прыгают. Хороший контраст: ангел-демон. Ведьмочка зеленоглазая, нежная, скромная с виду. Согласна?» Лена была согласна на все. Ее охватил неведомый ей прежде по силе кураж, казалось – ей все подвластно и она все сможет сделать, осуществить все, что задумала...

Жизнь стала – не продохнуть. Два раза в неделю выматывалась на аэробике, в субботу таскалась по магазинам в поисках подходящих шмоток и косметики, в воскресенье отсыпалась. Одевалась она почти также, как и прежде, но выбирала вещи поярче и обтягивающие. Купила дорогое белье. Мать была в изумлении. В нехорошем изумлении.

– На что ты тратишь деньги, Лена?

– Мам, поверь, мне это очень надо.

– Но зачем, зачем такие траты? Зачем эта грудь, этот искусственный загар, на садовом участке еще не так загорись. А кружевные трусы зачем? Что они прикрывают, эти ниточки?

– Я тебе объясняла уже... Ну захотелось мне так! И – мы же купили нам всем вещи, а с ремонтом – я тебе объясняла – надо подождать и подкопить, не надо тут спешить.

– Да как – «купили все вещи», вот у Кирочки вообще плащика летнего до сих пор нет, а ты тратишь такие деньги. И ладно еще – физкультура, но за чем загар, и... Ты уже на проститутку похожа! На дорогую. Чем ты занимаешься? Ты действительно ходишь на работу, в эту оранжерею, или ты меня обманываешь?

– Я действительно хожу на работу в оранжерею. Я не обманываю. И я не считаю проституцию работой. Я...

– Я тебе не верю... А иначе – зачем вот все это? Когда у Кирочки...

Удивительно. Лена, в школе, всю жизнь, – на одни «четверки» и «пятерки», потом – универ, подработки, и вместе с матерью и отдельно, потом – озеленителем, то в одной фирме, то в другой, и в цветочном магазине. Работает, работает, вот эту нашла работу, у Кабээса, еще диссер пишет, спортом всю жизнь занимается – велик, бег, – и мать вечно недовольна. Кирочка, младшая сестра, в школе – одни тройки, на физру никогда не ходит, бренчит на гитаре с утра до вечера, хотя музыкальную школу бросила, толстая, ленивая, – и мать в ней души не чает. Почему так? Лена однажды спросила об этом.

– Потому что ты всегда промолчишь, а сделать норовишь по-своему. А она меня слушается, она меня любит, а ты только о себе думаешь, – строго ответила мать. – Кирочка всегда вот как благодарит, а тебе... тебе вообще на меня наплевать...

Да, не умеет Лена рассыпаться бисером и лебезить... У Кирки как пулеметом вылетает: «Мамочка, мамуленька, мамочка моя... как я тебя люблю, моя хорошенькая мамочка, ты лучше всех на свете, не то что папочка... и (ехидный взгляд на Лену) некоторые, к нему приближенные...»

Родители разошлись лет десять назад. Развод был тошнотворным для всех. Отец снова женился, в его новой семье появился ребенок. Лена хотела жить вместе с отцом, но он неожиданно погиб, при странных обстоятельствах. Вроде попал ночью под машину, далеко, за городом. Сказали, что грудная клетка была раздавлена, как будто ее переехали... Но на опознании в больничном морге (молодая вдова слегла от стресса и «не могла отойти от ребенка») старый, страшный, сильно дышащий перегаром, с запущенными седыми неровными патлами и серым пропитым лицом патологоанатом сказал Лене: смотри... И указал дрожащим перстом на странное небольшое круглое пятно за ухом трупа, на выступающей части раковины. Лена, одеревеневшая от ужаса и целого флакона корвалола, наклонилась: маленькая округлая коричневая дырочка, как будто кожу здесь содрали, ссадили, была окружена расплывшимся коричневым же мутным пятном... Лена шепотом спросила сгустившийся вокруг воздух с запахом хлорки: что это? Пуля, промямлил служитель Харона... И что же теперь делать, спросила Лена. Что хочешь, сказал он и икнул.

Нет, в бандитских разборках отец не участвовал, как полагала мать, он просто «бомбил» по ночам на старых своих «жигулях». Конечно, Лена сказала матери. Конечно, та выслушала молча и сидела потом с торжеством во взоре (не сказала, но наверняка подумала нечто вроде – «собаке собачья смерть»). Конечно, заявление в милиции долго не хотели принимать. Конечно, в заключение о смерти строчки о пуле не было. Конечно, никто никого так никогда и не нашел. Или – не искал. Конечно...

Ничего у него не украли. Так что же произошло? Он словил эту пулю? От кого? Почему?

Лена научилась избавляться от мучительных вопросов, не имеющих ответов. «Сейчас не время, – твердила она себе, – не время сейчас. Потом, когда стану посамостоятельнее, денег заработаю, может быть, тогда... То, что не хотят люди делать, они с удовольствием сделают за деньги... Я заработаю, я смогу. Папочка мой, папочка. Прости нас...»

Новоиспеченная вдова с мелким ребенком на руках побыстрее выскочила замуж, куда подальше – в Москву. И кто бы поступил по-другому на ее месте? Шел 1990 год, год перемен, велик был и страшен, почти по Булгакову...

Ладно, это – пока оставили в стороне, а сейчас – не было и не могло быть ничего более важного, чем присвоить себе этого замечательного дядьку, этого красавца черноглазого, с его бычьей шеей и мрачным взглядом, брендовыми рубашками, сказочной обувью и дивным парфюмом...

И может быть... он ей поможет?

* * *

– ... Коля, я же говорила тебе, смотри – ничего тут сложного нет, все просто: один куст – одно ведро земли. Два куста – два ведра земли. Понятно?

– Я... понял.

– Так если понял, почему тут всего лишь одно ведро высыпано?

– Я... делал.

– Что ты сделал?

Молчит Коля. Тыльной стороной грязной руки потирает лоб – пачкает и его сероватую кожу, и шерсть серой вязаной шапочки. Смотрит на куст спиреи, землю под которой Лена взялась сегодня улучшать, серыми пустыми глазами. Лена кусает губы и тоже смотрит на куст. Ну как ему втолковать. Один куст – одно ведро земли из компостной кучи. Два куста... Я это уже говорила. Они стоят в саду возле куртины кустарников недалеко от дома-дворца; в обязанности Лены входит наводить ботаническую красоту не только в оранжерее.

– Коля...

Он поднимает голову, но смотрит он куда-то мимо нее.

– Коля, послушай меня... Надо еще землю носить, понимаешь? Мало земли. Мало, слышишь? Коля, куда ты смотришь?

Коля вдруг приходит в странное оживание: весь трясется и кривит рот. Лена догадывается оглянуться: что его привело в такой ажиотаж? Тут она вздрагивает, вдыхает глубоко и забывает выдохнуть – Олег, в распахнутой черной кожаной куртке, подходит к ним со стороны дома, он уже близко, и в этот момент Коля, дурак такой, толкает ее в грудь локтем, криво выбрасывая свою руку вперед – так он спешит обменяться с Олегом рукопожатием; Лена от толчка испуганно выдыхает... Олег подходит ближе, коротко взглядывает на Лену, берет руку инвалида:

– Привет, Коля... ты что тут делаешь?

Инвалид, трясясь, раздражается серией обрывков фраз, из которых следует, что она – тычет рукой в Лену и в землю, – непонятно чего требует. Олег внимательно смотрит на него во время всей его длинной речи и изредка слегка кивает. Потом громко говорит ему:

– Коля, тебя Константин зовет! – И машет рукой по направлению к дому-дворцу. Коля, торопясь, немедленно уходит в указанном направлении, а Лена, без единой мысли в голове, пытается выровнять дыхание и хлопает глазами, таращась на Олега. Тот смотрит в спину инвалиду, потом переводит свои чудные чёрные глаза на нее и говорит:

– Ему объяснять бесполезно. Он не будет тебя слушать.

Лена, обрадованно, что он с ней заговорил:

– Но я совсем ему простое дело дала – землю носить. Только сказала, что если два куста – то и земли надо два...

Тут она осекается, внезапно осознав двойной смысл фразы:

– То есть... именно меня? А что со мной такое?

– Ничего. Ты – женщина.

– Э... – Лена ошарашенно смотрит на куст спиреи. Потом вспоминает о «люминековой» пластине в голове Коли:

– А что у него с головой?

– Авария.

– Ну тогда здорово ему досталось, несчастный... – искренне говорит Лена.

– Его бы в наморднике держать, и на цепи, – спокойно заявляет Олег, – было бы всем проще. Слушай. У него иногда припадки бывают. Буйный он, на всю голову. И баб совершенно терпеть не может. Такой он. Не проси ты его поработать. Но ты не бойся, он тут один такой, все остальные спокойные.

– Я не боюсь, – поспешно сообщает Лена, а Олег криво усмехается и говорит сквозь зубы:

– Ну да...

Она смущается и неожиданно для себя выпаливает:

– А кем он был до аварии?

Улавливая, как меняется в лице Олег, Лена понимает, что сморозила что-то не то, лишнее. В ужасе судорожно пытается придумать, чем бы исправить положение, но Олег говорит медленно и внушительно:

– Нужно землю таскать – возьми кого-нибудь другого. Его не бери. Никогда. Если не слушают тебя – говори мне... Если будет приставать кто – тоже говори...

Лена торопливо кивает ему, робко улыбаясь, заглядывает в его черные блестящие глаза, смотрит на красивые его брови – «соболиные», всплывает в ее памяти слово из русских сказок, – смущается, переводит взгляд на его широкую грудь, где под тонкой тканью выпирают мощные грудные мышцы, и мигг пустеет в ее голове.

– А кем был, – продолжает Олег, – так тут все спортсмены. Бывшие...

Лена осмеливается посмотреть ему в лицо, и видит, что он улыбается, и снова смотрит, затаив дыхание, в эти странные, такие глубокие, такие мрачно-притягательные глаза. Потом собирается и вспоминает: спортсмен, бывшие, и он тоже... Она говорит уважительно, сама не веря своей смелости – разговаривать с Ним, боже мой:

– Вы и сейчас похожи на спортсмена.

Олег хмыкает и не без интереса спрашивает:

– Какого?

– Ну... не знаю. На какого-то борца.

Он задирает вверх одну красивую бровь и снова разглядывает Лену с головы до ног, отчего ей миггом становится душно.

Голос его звучит непривычно мягко, даже ласково и слова текут как-то медленно:

– Ну, а ты... чем... занимаешься?

– ...Я?... эээ... я – аэробикой...

Он повторяет:

– Аэробикой... – и кивает понимающе. Сжимает снова губы, пряча улыбку, и говорит:

– Ну и как? На поперечный шпагат-то садишься?

Лена, которая совсем недавно освоила, наконец, эту гимнастическую фигуру, радостно ему улыбается:

– Нет... На продольный только... пока...

И смущается снова, так как видит, что в черных глазах загорается непонятный ей огонек. Лена не знает, что и подумать. А что она такого сказала? А это он про какую борьбу? Женскую? А такая есть? Взгляд у него какой... Боже, он такой красивый.

Олег становится чуть серьезнее и тон у него появляется почти отеческий:

– Ну, как тебе здесь?

– Мне? Мне очень хорошо, то есть нравится, очень, – торопливо отвечает Лена. Олег снова улыбается, и она совсем заливается краской. Молчит, боится и дышать... но вдруг вспоминает первый разговор – о розах – и ей сразу становится легче. Она говорит:

– Приходите в оранжерею, там завтра или послезавтра одна роза собирается зацвести. Она – почти черная... В оранжерее таких еще не было, недавно привезли, и вообще таких в городе нет, только здесь... она редкая, пока что...

Поскольку Олег слушает ее внимательно и не перебивает, Лена смелеет:

– А вам розы вообще нравятся?

– Розы? – переспрашивает он, задумывается на секунду; потом округляет свои чудные черные глаза, и пылко заявляет, энергично крутя круглой головой и широко улыбаясь: – Еще как!

Лена тихо смеется, довольная, что он шутит. Когда она замолкает, наступает звенящая тишина, потому что они смотрят друг на друга во все глаза, глаза в глаза, и Лена быстро тонет в их горячей темноте, а Олег вдруг неожиданно выпаливает:

– Черная, говоришь... а такая бывает?

– Нууу... – Лена возвращается в реальность и в ней просыпается на один краткий миг ученый ботаник. Думая, как бы не наладить, она закусывает губу, – вообще... в морфологии растений черного цвета не бывает, они все или темно-красные, или темно-синие, темно-коричневые. Но вот Блэк Баккара – она очень темная. И дорогая. И редкая. И в Сибири точно не растет... – Лена улыбается и ловит ответную улыбку, когда Олег негромко говорит:

– Приду. Посмотреть. На розу. Питерскую. Не сибирскую...

Черные глаза его светятся ласково, но от дома-дворца раздается громкий свист и оклик, – там стоит Кабээс, призывно размахивающий руками (интересно, пахнет ли от него водкой?), и Коля, с улыбкой от уха до уха... Олег сразу неуловимо меняется в лице и поворачивается – уходить, и кивает ей на прощание, и Лена радостно кивает ему в ответ. Она улыбается. Улыбается, глядя на его широкую спину и крепкую шею, удаляющиеся от нее. И даже тогда, когда ей приходится таскать самую землю для кустов, все равно она – улыбается.

* * *

Прошло две недели после их последней встречи с Олегом. Он куда-то пропал и не появлялся. Но надежда Лены за это время только укрепилась. Работа в оранжерее спорилась, розы игриво цвели, папоротники сурово кустились, тренировки по аэробике (а после них – безудержный веселый флирт с ребятами-качками из соседнего спортзала) приносили радость и даже погода была хорошей не по-питерски, – солнечной и тихой.

... В тот вечер она смотрела на свое отражение в стекле оранжереи. Конечно, угадывались лишь нечеткие очертания, но она и так знала свое лицо наизусть.

И она улыбалась.

Почти красавица. Волосы цвета «золотистый блонд». Слегка сами вьются, а если завить, ложатся крупными блестящими локонами. Отрастила длинные, до середины спины. Личико

полудетское, небольшое, с узким подбородком, маленьким аккуратным носиком, пухлым розовым ртом. Раньше-то она все переживала, что слишком инфантильно выглядит, несерьезно, по-детски. Как куколка. Но кажется, Олегу-то она как раз немного... симпатична. Ну, увидим. Раньше ей и в голову не приходило, что она может смахивать на ангела. Она хорошо запомнила наставления гримерши: в макияже – никаких резких цветов или цветовых переходов, никаких «стрелок» и подводок, только нежные оттенки, вечером – с эффектом мерцания. И вот, как все-таки удачно этот профессиональный макияж подчеркивает глаза. (Алина, глядя на нее озадаченно, сказала: «Вид все-таки какой-то стал у тебя... блядовитый. Хотя тебе идет»). Темно-каштановые брови с изящным изломом идеально вычерчены. Ну, ладно, выщипаны и подкрашены. Но – хорошо. Да, хорошо. Просто идеально. С таким макияжем и цветом волос стало заметнее, что по краю серо-зеленой радужки идет у Лены кольцо потемнее, более глубокого зеленого цвета. Из-за этого большие ее глаза кажутся загадочнее, таинственнее. «Ангел с глазами демона», сказала Элька, гример. Ну, она театралка, они все такие... экзальтированные.

Она все время вспоминала девок, которых привозил в усадьбу Олег; сдерживая ревнивые порывы, анализировала, как в лаборатории, усваивала как теорию: Олег любит длинные распущенные локоны, Олег любит роскошные декольте, Олегу нравятся туфли на высоком каблуке, в которых девичьи ноги кажутся такими длинными, такими стройными (плевать-то, что девки все были на каблучищах выше его – такой мужик вполне может себе позволить). Раньше облик подобной «девы солнца» вызвал бы у Лены Феоктистовой только иронию или жалость, теперь же приходилось ему соответствовать. В этом было что-то от приключения. Было интересно. Что-то будет. Она улыбалась.

Утром собирался быть жаркий день и она одела ярко-желтую майку с глубоким вырезом на голое тело. Посмотрела в ней на свою грудь – анфас, профиль. Ну, секси, вполне. Улыбнулась опять своему отражению. Закинула голову, тихо хохотнула.

Такая она себе очень нравилась.

Днем, в обеденный перерыв, Лена и горничная Женя пришли в столовую позже всех, рабочие, Петя и Коля, уже поели, но их было не выгнать: они пялились на Лену, Петя умильно ей улыбался, и Женя поругалась с ним из-за места за столом. Вообще же перемены во внешности Лены оценили все – горничные Женя и Вика начали еще больше кудахтать над «деточкой»; Кабээс смотрел удивленно и благожелательно, да и разговаривал с ней теперь на полтона ниже, а то он орет всегда на всех; редкие гости дома-дворца смотрели на нее волчьим взглядом, хотя и улыбались, а Лена стойчески оставалась на месте, встречая незнакомых в саду или оранжерее, и скромно отвечала, если с ней здоровались. А сегодня два молодых парня, каких-то «бычка», долго ошивались на крыльце дворца, и игриво свистели Лене, стоило ей появиться в поле их зрения. Потом из дома-дворца явился Олег и злобно рывкнул на нежданных поклонников, и их как ветром сдуло. Лена засмеялась, а новоявленный «альфа-самец» посмотрел на нее своими большими глазами, круто развернулся и ушел обратно. Ревность? Лена улыбалась своим мыслям до самого вечера.

Вечером она, как и всегда, была на рабочем месте, протирала влажной губкой жесткие огромные листья монстеры и фикусов. Услышала голоса на крыльце дома-дворца и незаметно подобралась поближе к крыльцу – посмотреть, кто там.

Олег и двое каких-то мужиков. Они ему что-то возбужденно рассказывают, чуть ли не перебивая друг друга; черные мрачные глаза, не мигая, смотрят на говорящего. Потом он начинает злиться и презрительно морщится, отворачивается, тут замечает Лену – она тут же вытягивается в струнку и улыбается ему. Она пожирает это мрачное лицо глазами и улыбается, тепло улыбается ему, поправляет на голове новую зеленую бандану, локоны из под нее удачно выбились. Она ласково кивает ему.

Олег опускает глаза, что-то негромко говорит мужикам, и те уходят.

Он ждет, пока они отойдут подальше и снова смотрит на Лену. Потом медленно идет к оранжерее. Лена слышит, как сердце ее пропускает удар, а потом начинает подскакивать где-то уже в горле. Ей никак не справиться с дыханием, кровь опять бросилась в лицо, опять жарко и душно.

Олег подходит почти вплотную к стеклу и встает напротив нее. Она впервые видит его так близко. Кожа лица – загорелая, чистая, гладкая. Лена жадно смотрит: тонкая паутинка морщин у глаз, – а он совсем не мальчишка, – губы узкие, темно-красные, четко вырезанные, крупные надбровные дуги, и брови темные, красивые, соболиные...

Олег в упор разглядывает ее своими черными большими глазами, лицо его ничего не выражает, Лена решается заговорить.

«Вы – мне – нравитесь». Лена, задыхаясь, и – стараясь улыбаться при этом, выговаривает с расстановкой, как для глухого, умеющего читать по губам. Он и смотрит на её губы. Но он смотрит спокойно; глаза – как омуты с черной водой, потом шевелит губами, тоже что-то говорит: «...вает», – «бывает», разбирает она его голос, смазанный стеклом оранжереи. «А я вам?» – кажется, он ее не понял, или не слышит: «...ышь... не надо». Лицо совсем без выражения. «Надо. Я хочу... эээ, быть с вами», – она осмелела, и даже не успела испугаться своей смелости. Положила ладонь на стекло, на уровне его лица, – теплое, скользнула на шаг ближе, его глаза сверкнули, когда она встала почти вплотную к стеклу оранжереи. Только стекло их разделяет.

А он не слишком высокого роста. Уперся взглядом в ее грудь. Потом отвел свои большие глаза, повернул голову направо, потом – налево. Смотрит по сторонам, как будто ищет кого-то. Или боится?

Он прячет глаза, отступает, поворачивается и уходит в сторону дома. Лена отворачивается от стекла, опускается на колени на пластик и долго смотрит на зеленые заросли папоротников с яркими пятнами бутонов роз. Потом замечает отцветшие цветки и начинает машинально ощипывать их. Постепенно увлекается – надо сейчас заняться чем-нибудь, а то будет совсем худо.

Через полчаса она выпрямляется, и смотрит на часы: шесть, время финиша. Снимает резиновые перчатки, бандану, встряхивает длинными локонами, собирает инструмент в корзину и направляется в сторону кухни. Входит в полумрак тамбура...

...и первое, что она видит – Олега, сидящего, свесив ноги, на садовом столе! Он курит.

Лена роняет корзину (инструмент громко лязгает), и таращится на внезапного визитера как на привидение. Не обращая внимания на рассыпавшиеся лопаточки и цапки, Олег метким щелчком отправляет окурок в садовую раковину в углу, легко спрыгивает со стола, смотрит на Лену и просто говорит:

– Ты что такое задумала-то?

Лена подходит к нему поближе – какой он огромный! – и заглядывает ему в лицо – такое спокойное и вид слегка отсутствующий. Сердце снова заходится в бешеном ритме, Лену бросает в жар; и она не знает, что делать, и – ой, он такой красивый вблизи, глазищи какие бархатные... И он дрожит! Дрожит. Мелкая дрожь, как от озноба, вдруг рябью проходит по темно-синему шелку рубашки, через всю его широкую грудь, когда он делает сдержанный вдох и замирает...

Горячая радость заливает ее и, недолго думая, она берет двумя руками его большую ладонь, поднимает к лицу, смотрит – она продолговатая, а пальцы – короткие, с тыла поросшие темными волосками. Как легко представить эту руку, сжатую в кулак, и ее удар, быстрый, ско-

рый, как убийственный выпад змеи, а вот эти пальцы – нажимающими на курок, раз за разом, раз за разом, быстро... удар, падение, низвержение, уничтожение...

Это был просто враг. Просто враг. Просто помеха на пути. Ничего личного.

Лена поднимает эту жесткую ладонь к своему лицу и целует ее, с наслаждением вдыхая сладковатый запах хорошего табака; жадно заглядывает в его глаза – черные, смутно блестящие... И видит, как размыкаются узкие, всегда сжатые темно-красные губы, на широкой шее упрямо поворачивается круглая большая голова. Он шепчет почти угрожающе:

– Ты, это, не дразни меня. Я же не железный.

– Я тоже.

– Вижу.

Какой он большой и сильный. Тепло от него. Сердце бешено бьется. Лене трудно дышать. Она почти задыхается. Упершись взглядом в его выпуклую грудь под темно-синим шелком рубашки, она еле выговаривает:

– Плохо видишь. Я же живая. О тебе постоянно думаю...

Жесткая ладонь выскользывает из ее рук, а Олег делает какое-то движение. Понеслось.

... Умело подхватывает ее и сажает на садовый стол. Деревянная столешница еще теплая – от него... Короткая ее юбка тут же съезжает вверх, и Лена сама разводит колени, когда он резко придвигается к ней – мужской живот такой твердый... она обнимает Олега, тянет его рубашку из-за пояса брюк, у нее не получается, и он выдергивает ее сам, одним-двумя плавными движениями, глядя на ее губы, приоткрыв рот, и Лена запускает руки под скользкую ткань... Она гладит широкую спину с буграми мышц под шелковистой кожей, замирая, ощущает жесткие руки на своей талии. Какой он весь большой, огромный, как... Голова кружится, в животе все скручивается в жесткий клубок... Она изгибается, прижимается к этому большому телу, обнимает его, и дрожащими неверными губами целует твердую мужскую щеку... Поцелуй; он просто трогает ее губы своими теплыми губами, смелее, смелее... Лена радостно отвечает ему, жмурится и содрогается от счастья, чувствует легкую дрожь, волны тепла, и в стайку мелких поцелуев хищно врывается мощный и жадный поцелуй взасос.

Его запах, его тепло, сильные руки... дурман какой. Цветущий папоротник. Внутри нее словно бы распускаются, занимая все место, пышные его вайи: дерзкие косматые мрачные свитки клубятся, разворачиваясь, своенравные, хищные, жадные, дикая поросль желаний... Сердце колотится, бешеное, в голове все едет, кругом, как на карусели, и – ни единой мысли. Кроме одной.

– Я люблю тебя... – Лена шепчет, задыхается, тянет его за широкие плечи к себе слабыми руками, переводит дыхание, повторяет, почти себя не слыша, – ... люблю.

Он берет ее лицо в ладони, и Лена открывает глаза, но жесткие пальцы ложатся на ее лоб, трогают, гладят его, висок, щеку. В тамбуре тишина и полумрак, слышно только прерывистое дыхание их обоих... еще Лена слышит, как Олег легко вздыхает; Лена тянет ноздрями его запах – все тот же кедр, благословенное могучее дерево, таинственная терпкая лаванда, сладкая ваниль... встречает и легкий запах мужского пота – это для Лены как острая приправа к любимой еде; от интимности этого запаха у нее в голове все переворачивается, и она по-звериному принюхивается к Олегу, а тот шепчет вдруг ласково, но шепот этот гремит, как гром, в ее затуманенной голове:

– Девчонка, соплячка, незабудка...

Лена с трудом вспоминает и оформляет в слова мысль, еле слышно выдыхает ему в ухо:

– Здесь... на кухне...

Быстро и хрипло:

– Никого нет.

Он так близко. У него такой дивный запах. «Папоротник...» – слово проплывает в ее одурманенной голове... Его руки на ее бедрах, – гладят, сжимают нежно, осторожно спускаются к ягодицам; его бархатный язык толкается требовательно у нее во рту, обводит ее десны, с бесстыдной лаской приподнимая губы, и снова толкается, напирает; она подчиняется, покорывается, слабеет, стонет, дрожит. Олег стаскивает с нее майку, гладит мягко ее плечи, его ладонь чуть касается ее сильно напрягшегося, свербящего соска и начинает ласково кружить по нему: Лена чуть не теряет сознание... он берет ее руку и прикладывает ладонью к своей ширинке, Лена, не соображая ничего, не дыша, гладит мощную выпуклость здесь и Олег шипит что-то сквозь зубы; шорох одежды, легкое звяканье пряжки ремня и... Лена вдруг вздыхает: какой крупный, налитой, напряженный... Олег шарит рукой по ее бедру: боль, бедро, впиваются, трусики, рвет, разорвал.

Она уже по пояс голая, юбка сбилась наверх, сильные руки стискивают ее, прижимают к большому мужскому телу, он теплый, как печка, жарко от него; вся взмокнув, она словно бы парит в воздухе, удерживаемая неведомо как; частые влажные поцелуи покрывают ее шею и грудь... Он медлительный, он несокрушимый; он вдруг отрывается от нее, чтоб теснее прижать ее бедра к себе, и тихо прерывисто стонет; снова целует, нежно ласкает языком ее соски, один, другой, так нежно, что... внизу живота горячо, внутри все скручено желанием в плотный жгут, Лена, не соображая ничего, чувствует кожей чужую влажную, твердую, восставшую плоть, тихо извиваясь, начинает тереться об нее... Под закрытыми веками у нее расплываются ослепительно яркие пятна, и она безвольно повисает в его сильных руках...

Дальнейшее она не понимает, но помнит, что он прижимает ее к себе, слегка приподнимает за ягодицы, и вдруг входит в нее так уверенно, мощно и плотно, что она не успевает застонать. Она выгибается дугой, запрокидывает голову, страдальчески разевает рот и... потрясенно молчит.

Россыпи звезд на черном потолке. Оживают и вспыхивают... вспыхивают и оживают... быстрее, быстрее... еще быстрее и еще, пока не сливаются в один ослепительный шар...

* * *

– А, ну да, ну да, естественно, естественно, и еще бы тебе крышу не снесло, ну как ты сама-то думаешь...

Алина курит, сидя за столом на своей кухне, где они с Леной пьют пиво, поглядывает на подругу спокойно из-за стекол очков, и рассуждает. Тридцатилетняя подруга живет одна в однокомнатной квартире, ее родители-пенсионеры уехали жить в деревню, предоставив дочери возможность устраивать свою судьбу и личную жизнь, и только регулярно шлют ей плоды родной земли. Лена, не утерпев, рассказала ей о сцене в оранжерее. Алина ее осторожно поддержала: почему бы и не соблазнить мужика, если очень хочется? И осторожно упрекнула, в духе – «ты ж его совсем не знаешь, это ж все равно, что секс с незнакомым»; и вдруг осознав, уже несдержанно рявкнула – «ты без презерватива? С ума сошла!» Остыв, она, как и всегда, оправдала ожидания: разложила все по полочкам и объяснила; Алина – тоже биолог, диплом писала по чему-то там в высшей нервной деятельности млекопитающих...

– Что касается неземного твоего кайфа, то я тут вижу обычную картину: в сексе расслабиться и окончательно оторваться обычно не дает передняя кора головного мозга, отвечающая за контроль и волю, она тормозит заднюю кору, которая отвечает за сексуальное удовольствие, в том числе. Тебе просто удалось отключить контроль, и – понеслось...

– Ты так говоришь, как будто отключить контроль – как раз плюнуть. Вот бы все так и поступали. Все были бы счастливы и разводов бы не было...

– Смотри, по моему скромному, но компетентному мнению, ты все время боялась этих бандосов, работая в этом доме-дворце, причем работала много и подолгу, корячилась, и ты еще соскучилась по всем удовольствиям... А расслабившись, почувствовала удовольствие сильнее обычного. Изголодалась потому что. Да еще устала бояться. Тем более он, как ты говоришь, – сам крутой, тачка крутая, шмотки крутые, парфюм крутой... подраогрелась, сама того не зная...

– Ну да, – соглашается Лена, – я читала, что раньше в деревнях девки тоже не больно-то безлошадными женихами интересовались, если в его семье или у него не было лошади. Все равно, что сейчас – машины. И это все равно не объясняет того, что от него такая энергия прет, с ним такой кайф! Крышеснос... Он меня как будто загипнотизировал...

– Не валяй дурака. Если бы ты не посмотрела с ним порно в «прямом эфире» – тогда, в оранжерее, – и не сходила с ума по нему последние несколько недель, а он не дразнил тебя невольно, привозя разных баб – кто знает, как бы там все у вас пошло... Да и вообще – ты же любишь гонки, горки, велик... Может, у тебя вообще контроль в лобной коре снижен... не знала, что ты такая оторва.

– Ну да, ну ладно – я сумасшедшая, но он-то, скажи?

– А у него лобная кора – и вовсе в отключке. Как у всех гопников...

– Ну, Алина... Он не похож на гопника.

– Как будто это что-то значит, похож он или не похож.

Лена задумывается, смущенно улыбается и вскоре опять поднимает на подругу счастливые глаза:

– ...Мммх, а член какой... ты бы видела...

– Мне только на это и не хватало посмотреть, для полного счастья... ну и что там такое? Полметра, раздвоен и загнут на конце?

Девицы дружно ржут. Снова принимаются за пиво, Алина закуривает, и Лена продолжает свои «охотничьи рассказы»...

...Они лежат в кровати номера какой-то придорожной гостиницы, куда Олег ее привез после встречи в оранжерее.

За три часа до этого она сидела, полураздетая, на садовом столе тамбура, опустошенная и наполненная оргазмом одновременно, мирно-сонная, довольная, и никуда, кроме как в подсобку за кухней, и ее узкого топчана за холодильником, не собиралась; но Олег сказал, торопливо заправляя рубашку в брюки: «Выйдешь из дома возле кухни, обойдешь вокруг, попрощаешься с охраной и пойдешь на шоссе. Я там тебя заберу, на машине». Она не стала спорить, хотя больше всего ей хотелось спать.

В номере светло – в Питере сейчас стоят «белые ночи». Пока Олег открывал ключом дверь, Лене показалось, что он сейчас сломает – или дверь, или ключ, – они почти вломились сюда; увидев кровать, сразу повалились на нее и этот безумный сосредоточенно, вдумчиво, и двигаясь плавно, как будто во сне, со спокойным и взвешенным подходом к делу, снова отыграл Лену, теперь уже в самых разных позах. После чего она отключилась, но скоро проснулась, потому что очень хотела быть с ним. Он не спал, и когда она пошевелилась, сразу открыл глаза, взглянул на нее и улыбнулся – как обычно, сжав свои узкие губы.

Она застеснялась и начала гладить его грудь. И тут увидела шрамы. Один был на груди, другой – на боку, маленькие, круглые, еще один небольшой странный шрам был на животе, как будто изнутри рвалась неведомая и страшная тварь, личинка, или словно расцвел рваными краями плоти жуткий цветок, а потом он пожух и завял. Олег смотрел на нее спокойно, в его полуприкрытых глазах стояла непроходимая ночь.

Лена вдруг выпаливает шепотом:

– А ты сидел?

Он не удивлен:

– С чего ты взяла, что я сидел?

Молчание. Лена водит кончиками пальцев по его мускулистой груди – гладкая, широкая, твердая, теплая. Он вздыхает, сдерживая зевок:

– У меня – наколки? Вид страшный?

– Я неправа.

Молчание. Олег тянет к ней руку, проводит ладонью по ее волосам, трогает ее щеку:

– Как ты думаешь, чем я занимаюсь?

– А чем ты занимаешься?

– Автобизнес.

– Ага.

Индюльгенция получена. Это обман, но сейчас можно расслабиться и не думать. Лена кивает, улыбается ему, льнет щекой к его ладони; продолжая гладить его грудь и живот, нащупывает ту загадочную неровность.

– Что это? Лицехват?

– Что еще за лицехват?

– «Чужого» смотрел?

– Не помню.

– Личинка инопланетной хренотени залезала через рот, гнездилась внутри, а подросшая, вырывалась из грудной клетки живого человека...

– Ерунда какая...

– Это звучит только так, а выглядит... зрелищно. У тебя есть любимый фильм? Есть? Ну скажи мне...

Он улыбается и молчит.

– Крестный отец, наверное.

Олег хмыкает и широко улыбается, беззвучно смеется, закрыв глаза, вздрагивая. Зубы у него неожиданно ровные, желтоватые, с заметными клыками; Лена смотрит заворуженно, шепча: «волк, ты мой волк...» Он перестает смеяться и снова тянет ее к себе. Третий за ночь половой акт внезапно приносит Лене боль, она сначала решает потерпеть, стискивает зубы,

задерживает дыхание, но Олег, прислушавшись к ней, отпускает ее, поворачивается на спину, а ее укладывает, как куклу, на себя, и начинает отчитывать: «Тебе больно. Почему не говоришь? Зачем терпишь? Дуреха. Это же не надо никому...» Лена, стыдясь того, что повела себя как дура, утыкается носом в его грудь. Потом целует и эту грудь и плотный, начинающий чуть заплывать в талии жирком живот. Поцелуи спонтанно переходят в минет, и его процесс внезапно начинает Лене – впервые в жизни – нравиться.

Засыпают оба только глубокой ночью.

– ...Знаешь ли, я все могу, конечно, понять, – страсть там, безумный секс и все такое, но... честно тебе скажу – между вами... как бы это слово подобрать? Мезальянс. Неравный – ну не брак, конечно, я больше чем уверена, что он на тебе не женится, а неравные отношения...

Лена чувствует раздражение.

– Все понимаешь? Ты уверена, что – все понимаешь? Если ты это чувствовала, такое – та-ко-е безумие, – на все готова, только чтобы оказаться рядом с ним – то почему я об этом до сих пор не знаю? Ты мне решила не рассказывать?

– Нет, но...

– Нет уж, извини! Неравные отношения – что ты имеешь в виду?

– А что тут непонятного: возраст, жизненный опыт, разница в образовании, культурном уровне... Шрамы эти откуда? То, что ты назвала «цветком», это похоже на то, что ему живот ножом разворотили. Короче. Если он такой ходок по бабам, как ты говоришь, то ты для него, конечно, молодой сочный персик, но я не сильно удивлюсь, если ты – не единственный такой фрукт в его саду. Посмотрим, станет ли он и дальше тебе звонить и вообще встречаться.

Лена пригорюнивается. Алина заглядывает ей в глаза:

– Лен... Не переживай особо-то. Вспомни, как ты их всех боялась сначала? Ничего же не изменилось с тех пор. И неужели же ты веришь в эту байку про автосервис.

– Верю! – вся всколыхивается Лена. – А почему бы и нет? Разбогател, купил.

– «Разбогател», о ужас. Представляю, каким способом. От американского дедушки наследство досталось, не иначе.

– Да, дедушка тут явно ни при чем. Но он и не... какое-то быдло. Говорю тебе... есть в нем что-то такое – не могу описать словами...

– Ты просто влюбилась. Вот и видишь то, чего нет на самом деле.

– Эх... как тебе объяснить. Ну, посмотрим. Но если продолжения не будет, я с ума сойду!

...И после этой безумной ночи она просыпается утром в гостиничной постели одна, и вдруг видит на тумбочке возле кровати толстую пачку денег. Не успев оскорбиться, она понимает, что – Олега-то нет, а ей предстоит самой выбираться отсюда, из этой придорожной гостиницы, и денег в ее кошельке – в обрез. Рядом с деньгами она находит визитку какого-то такси. Ишь ты, заботливый, озадаченно хмыкает Лена, и заказывает машину по телефону. Не успевает она дать отбой, как ее трубка взрывается входящим звонком, звонит Кабээс (интересно, пахнет от него водкой в этот момент?):

– Слышь, Елена, Сергевна, ты сегодня в оранжерею не приходи, не до тебя...

– Константин Борисович, я хотела там еще, мне надо сделать...

– Слышь, не до тебя... короче, не приходи сегодня, вот и все. Придешь в понедельник. Странно.

Дальше было еще страннее. Лена запоздало вспомнила, что телефона Олегу она не давала, он свой ей – тоже. На работу было велено не являться до понедельника. В принципе, телефон он мог взять и у Кабээса. Если бы захотел. А если – нет? Если не захочет? А если он возьмет и ее – уволит? А если он больше ей не позвонит? Как жить-то дальше?

– Нет, ты вот начни еще переживать, Лен, еще ничего не случилось. – Алина глядела серьезно, почти сочувственно. – И не будь романтичной дурой. В принципе, самое страшное, что может из этого произойти... нет, не твое увольнение. Ну или увольнение. Но посуди сама: трахнуть девку и уволить ее – это вообще как? Стоит ли тогда о нем вообще думать? Однозначно: не стоит. Только... я боюсь, что ему не уволить тебя в голову придет, а... другая какая-нибудь пакость...

Лена задумалась. О предательстве со стороны Олега не то что говорить – даже думать не хотелось. Да уж, она все-таки именно романтичная дура.

Но назад уже ничего не вернешь. Да и не хочется ей ничего возвращать!

– Да. Мне вот даже интересно, как бы ты собралась «все возвращать», – Алина смотрела на Лену почти с жалостью. – Конечно, сейчас ничего уже не вернешь. Но ты постарайся хотя бы не лезть в это... Не приставай ты к нему! Я прямо не знаю, что с тобой делать... Ну ты хотя бы анализы сдала в КВД?

Алина – подруга здравомыслящая и скептическая. Как раз то, что нужно.

Ну, раз поделаться со всем этим ничего нельзя, надо делать то, что можно. И в эти выходные они с Алиной и Костиком, как и всегда, купили пиво и потащились ночью гулять на Каменный остров. Телефон она с собой не взяла. На острове, где были полуразрушенные деревянные дачи и каменные загородные дворцы времен Серебряного века в буйных зарослях бывших садов, к ним прибилась компания из троих молодых людей и одной девушки. С самым симпатичным из молодых людей Лена целовалась под утро, на ступенях крыльца какого-то полуразвалившегося дома-дворца, каких в этом месте Питера было немало... (Дома-дворца! Хм. Интересно. Тутошнего хозяина тоже связывали неоднозначные отношения с представительницей обслуживающего персонала?.. и где они все ныне. «Кто был хозяин всей земли... торчит затычком в щели...») Симпатичный (кстати, целовался он – не очень) сказал, что его зовут Игорем, что он художник-дизайнер, закончил «Муху», и вместе они дошли до метро, когда оно снова открылось. Игорь проводил Лену до дома, все время держал ее за руку, и они договорились встретиться завтра. На следующий день, удовлетворив все запросы Лениной мамы насчет домашнего обихода, Лена с Алиной поехали в центр города на какой-то фестиваль современной музыки. Там встретились с Игорем и остальной компанией, опять гуляли, болтали, опять все пили пиво.

И она не заметила, как подошел понедельник.

Она включила на зарядку телефон, незаметно для нее разрядившийся. И увидела...

...три пропущенных звонка от незнакомого абонента. Лена немедленно перезвонила, сгорая от нетерпения.

Не тут-то было. Телефон не отвечал.

...Выходя из автобуса, который привез обслугу в дом-дворец, Лена старательно думала о том, что ей нужно сделать в саду, и больше ни о чем. Она уже начала работать, – рыхлить землю под кустами сирени, – и тут...

– Ты телефон вообще включаешь?

Лена ахнула от неожиданности. Повернулась на голос: вот он, стоит, в белоснежной рубашке, смуглый, как... как... боже, как он хорош! губы жестко сжаты, но большие черные глаза светятся... Она засмеялась – счастливо, весело:

– Я все время о нем забываю... Я ж не деловая, как ты...

Он хмыкнул.

– Ну да.

Смерил ее взглядом, заглянул в глаза – ласково.

– Хорошо выглядишь.

Лена вздохнула, довольная. И еще раз вздохнула, поняв, что это он ей звонил. Довольная тем, что – пришел. И вспомнила:

– Ой, ты мне слишком много денег оставил... ну, тогда. Такси обошлось в полташку. Я хочу отдать, но не знаю, сейчас – можно?

Олег посмотрел на нее как-то странно, моргнул и ответил:

– Нет. Оставь себе.

Лена хотела сказать, что ей – не нужно, но какие-то люди показались со стороны дома-дворца, и уже приближались к ним, Олег повернулся уходить и быстро сказал Лене:

– Телефон не выключай вечером.

Строго глянул на нее, но при этом глаза у него так блестели, что Лена хотела опять засмеяться... Она посмотрела на незнакомых людей и решила этого не делать.

СОЦВЕТИЯ

– ... А у тебя жена есть?

– Нет.

– А была?

– Никогда не было.

– А почему?

Олег нехотя открывает глаза.

– Да вам же только деньги нужны.

– Неправда.

Он возит затылком по подушке, задумчиво смотрит в потолок и молчит – спорить он не собирается.

– Ну а тебе? Разве деньги не нужны?

– Когда деньги на дело, это... другое дело. Не на тряпки.

– Ну, ты тоже тряпки любишь. Вон у тебя – туфли Барберри Лондон... черный бумер – та же тряпка.

– Сравнила...

Олег холодно смотрит на нее, Лена улыбается ему лучезарно в полумраке номера этой небольшой, но дорогой гостиницы: «дурочку включает». Холодные глаза теплеют:

– У меня сейчас не бумер. Ауди. И Фольксваген.

Лена смотрит нежно и тихо выговаривает по-немецки: «volks-waaa-gen», наслаждаясь тем, как звучит слово; Олег улыбается ей, по привычке сжав губы, потом снова закрывает глаза, отворачивается, расслабляется.

Им практически не о чем было говорить в перерывах между их... «Сексами? Сеансами? Соитиями?.. Как назвать-то их?» – думала Лена, лежа потом в узкой девичьей постели в тишине материнского дома; закрыв глаза, сладко поеживаясь, улыбалась. И с опозданием начинала бояться: ведь тогда, в оранжерее, потом, в ответ на ее искренность могли «прилететь» грубость, равнодушие, презрение. «Милый друг» мог обернуться дворовой гопотой, дрянной подворотней, обыкновенным хамом.

Он и так был слишком другим, – слишком взрослым, мрачным, чужим. Непонятным.

Нет, возраст тут был ни при чем. Лену всегда тянуло к мужикам намного старше. Первым был друг отца, грубоватый и мрачный инструктор по вождению, и она была уже пару лет уже как в него влюблена, и это случилось в его палатке, на рыбалке, куда поехали вчетвером с отцом и подружкой; подружка была (вроде бы) – инструктора, но Лена застукала потом отца с этой девичей, его будущей женой... а этого Витю она потом изнасиловала в прямом смысле слова, напирая на свою якобы обиду на отца. Сдался несчастный только при виде ее слез, и еще потому, что знать не знал, как Лена обожала отца и насколько была равнодушна к матери, а то бы быть ей выкинутой из его палатки обратно на полянку, прямо так – с голым задом. Потом был руководитель практики в универе, суровый географ, сорокалетний «казанова», явно ничего не хотевший знать о сублимации и трахавший всё подряд, бегавший и по всем трем своим женам, его бывшим студенткам, которым он оставил «на круг» пятерых детей; Лена не хотела им увлекаться, ввиду явной бесперспективности этого чувства, но все равно увлеклась, сильно, болезненно... потом, однако, все прошло. Были и другие – ровесники Лены, но с ними все было неинтересно. Ровесники это чувствовали и подрывались в закат.

Но Олег на прощанье (после второй встречи) долго, нежно гладил ее горящую от счастья щеку, и сказал мягко: «Не говори, что встречаемся. В доме-дворце. Никому. Слышь, забудка?..» Лена кивнула, с обожанием глядя ему в глаза. Еще она с удовольствием отметила, что Олег назвал, вслед за ней, усадьбу Кабээса «домом-дворцом», – слово ему явно понравилось.

Ей повезло. Притяжение оказалось взаимным.

Поначалу он звонил ей редко, не чаще раза-двух в неделю, и если бы не работа, не косметический салон и не спортзал, (и не скептическая Алина!), Лена бы вся извелась... Когда звонил – разговор был коротким: «Встретимся сегодня? – Да, конечно! – Тогда смотри...» За этим следовала исчерпывающая инструкция – где и когда, и на какой стороне улицы будет стоять его машина, или ее сегодня нет, и они поедут на такси.

За этим следовало посещение какого-нибудь небольшого ресторана с русской кухней. Ресторанная еда всегда была красиво разложена по тарелке, но Лена, в семье которой умели варить «суп из топора», видела в этом дизайне только пустую трату времени и денег. «Черта ли тебе в этих ресторанах, – думала она, ковыряя кусок какого-нибудь отварного языка, – ты же тоже наедаться не любишь и пьешь умеренно, это какой-то ритуал ухаживания, наверное... прям просто так трахнуть меня не может, не накормив прежде...»

Трахнуть. Вот интересно. Алине никак не объяснить – только ходишь по кругу в одних и тех же словах.

«...Это дурдом, это крышеснос, это безумие какое-то; он меня знает, меня понимает, все обо мне понимает и понимает, что характерно, даже без слов! Сначала он смотрит на меня через стол в ресторане, такие глаза, и меня уже начинает потряхивать, а потом уже просто летишь с ним с горы, с ним вместе, и всегда так... И он – то нежный, то грубый, и всегда – разный...»

«Да он просто опытный старый валенок, вот и все. И – ага, еще бы у него на тебя не стояло, – ты ему в дочери годишься. Где он еще такой свежачок найдет...»

«Купит, Алина...»

«Ну пусть пойдет и купит! Думаешь, он не понимает разницы между шлюхой почасовой и девчонкой влюбленной? Ты плохо о нем думаешь тогда. Всё этот твой бандос...»

«Он не бандос...»

«... понимает, как мне кажется. А что касается ресторана... Самцы очень многих животных ради совокупления приносят добычу самке... Это действительно ритуал, действующий на подсознательном уровне. Ты очень сильно влюбилась, как я посмотрю...»

Он приходил на свидания – свежий, благоухающий, всегда очень просто, но дорого одетый, они встречались глазами и немедленно начинали улыбаться друг другу безо всякой причины. И в ресторане они тоже молча смотрели друг на друга через столик и улыбались. Лена видела себя как будто со стороны, понимала, что она вся светится радостью, понимала, что Олегу приятно это видеть, и от этого еще больше заряжалась своей эйфорией.

Она спрашивала его: «Как твои дела, как бизнес?» Он отвечал, привычно сжимая губы, пряча улыбку: «Нормально дела»; смотрел на нее – ласково, немного иронично, и его соболиные брови чуть вздрагивали игриво: «Даже – поперло...» Лена, забывая дышать, понимала это по-своему и так и ела его глазами... Блаженно улыбаясь, думала про себя: «Какая ж я дура... слава богу».

Она обожала его запах и не находила у него плохих привычек, да и вовсе была на краю счастья: Олег не курил, не напивался, не матерился даже в шутку, не рассказывал пошлые анекдоты, не ревновал к кому попало... («Ты не куришь? – Нет. – А тогда, в оранжерее? курил же...» Олег усмехался, тер вдруг зарозовевшее лицо ладонью, а Лена смотрела: чего это он, смутился, что ли? «Я ждал. Когда придешь...» и она умилялась почти до слез тому,

что он – ждал...) Иногда за его спиной иные ресторанные посетители игриво подмигивали ей, на что она поначалу обескураженно опускала глаза: ей казалось, что это неприлично, а Олег только улыбался еще шире, и молчал. Подмигивающих он, что называется, «в упор не видел». А стоило Лене отлучиться в туалет, как по возвращении уже она обнаруживала, что Олег внимательно изучает еду на своей тарелке, а возле него стоит или уже сидит какая-нибудь разряженная дама или девица... Лена подходила, он издали ее замечал, смотрел нетерпеливо и говорил: «Наконец-то...» Дама (или девица) мерила подошедшую взглядом и оскорбленно отходила, покачивая бедрами.

Лена садилась, и они вновь смотрели друг на друга. Пить, есть, говорить Лене совершенно не хотелось, она смотрела на смугловатое лицо, мощную гордую шею, сильную руку с часами (красивые, дорогие), на широкие плечи, распирающие пиджак и на то, как он чуть покусывает нижнюю губу... Лена таяла. На его тихое, медленное: «Ну, что, поехали... куда-нибудь...» она была в состоянии только кивнуть. Он снова сжимал губы, пряча улыбку, быстро вставал из-за стола и подавал ей горячую жесткую руку. Не отдавать ее, не отпускать; отпустить на пять секунд, чтобы одеть поданный им плащ и снова взять его руку, и держать ее в такси, и отпустить только в номере гостиницы и только для того, чтобы обнять его и ощутить эти горячие руки уже на своем теле...

А то, что он молчал... Он не обязан же ее развлекать, правда? Они же так нравятся друг другу, неужели этого мало.

Он сказал, что у него – автосервис, но Лена как бы... не совсем поверила ему. Но и поговорить об этом не решалась. Однако, подумала она однажды, глупо совсем обходить в разговорах тему автосервисов, и вообще – любящим людям свойственно друг другу доверять. Заметив как-то, что он отвлекся на изучение меню, она решилась на вопрос полушутливым тоном:

– Как работает автосервис?

Ничего в его лице не изменилось, Олег спокойно закрыл меню, кивнул Лене и ответил:

– Нормально работает. Колеса меняет, кузова рихтует.

И стал искать взглядом официанта. Стало, по крайней мере, ясно, что автосервис – это не просто его выдумка.

Об этом можно было бы как-нибудь поговорить.

Если бы Лена хоть что-нибудь понимала в автомобилях!

И пока им говорить было совсем не о чем.

Да и по правде говоря – было не до разговоров: Лена заново познавала суть присловья «каждый раз, как в первый», Олег ясно давал понять, что ему с ней – вовсе не скучно и почти не отпускал ее от себя во время их встреч, все время обнимая, целуя, поглаживая. Каждый раз они попадали в какую-то гостиницу, каждый раз – в новую, в таких, наверное, сидели писатели литературы модерна, думала Лена: в довольно пустых холлах иногда попадались хорошо одетые, но все равно – подозрительные типы, и сильно накрашенные женщины; на рецепшне стоял громил, – «морда просит кирпича». Это было как-то... неприятно, но это был его, Олега, выбор, и Лена подчинялась.

Потом она изловчилась и рассказала ему о себе, ее отчет «школа – университет – стажировка – подработки – работа в доме-дворце» – уложился по времени в полминуты. Олег только слегка покивал ей в ответ, и тихо сказал: «Отличница. У тебя на лбу...»

Да. Так и было. Лена всегда была отличницей.

Он не затруднялся объяснять свое нежелание сообщать ей что-либо о себе: «твои родители живы – не знаю – ты их не помнишь – не помню – ты что детдомовский – не уверен – ты мне совсем не доверяешь – я не думал не знаю...» И полусонно улыбался, довольный, рас-

слабленный... Лена смотрела озадаченно – ну надо же, какой таинственный. Олег вдруг отвечал ей лукавым взглядом, и она понимала, что он просто резвился, отвечая. Она смеялась, она блаженно утыкалась носом в его широченную грудь; он обнимал ее, шептал ей на ухо: «моя девочка». Лена жмурилась от счастья.

Зато он внимательно слушал ее рассказы о жизни в Питере в начале девяностых, и как она рассказывала, и смеясь, и злясь, и задумываясь, и вздыхая. Матери как раз – учительнице русского языка и литературы – перестали платить вовремя зарплату, отец незадолго до этого от них ушел, сестра была маленькая, Лена только-только кончила школу и денег катастрофически не хватало.

И Лена, с детства бывшая яркой любительницей всякой растительности, собирала с матерью летом лечебные травы и березово-дубовые ветки. Они ездили в леса под Лугой, сушили собранное потом дома, все стены были завешаны пахучими пучками и вениками, все поверхности заложены россыпями вянущих листьев и цветов. Высушенное сырье сдавали в медицинский кооператив, веники пристраивали в местные бани. Сестра Кирка капризничала и норовила раскидать всю эту «гадось», как она ее называла, чтобы поиграть в свои игрушки, а мать кричала на нее, и Лена ее молчаливо поддерживала, потому что видела в зелено-желтых кружочках соцветий «ромашки аптечной» – монеты, а в широких листьях смородины – купюры; в них были заключены и «сникерсы», и походы в кино, и новые колготки.

Поступив в Университет и наслушавшись там досужих разговоров более продвинутых сокурсников, Лена, ради смеха, однажды предложила матери выращивать коноплю. Та испугалась, сомневалась, и дело встало, но скорее из-за того, что они не смогли приобрести семена. (Здесь Олег улыбался, закрывал глаза, задирает брови и крутил головой.) Они еще ездили по сезону за клюквой, брусникой и грибами, и мать продавала эти дары природы у станций метро и на рынке. А потом мать завела на рынке палатку-киоск, и там как бы уже регулярно взялась продавать дары природы, все, что удавалось собрать и перекупить.

«С братками-то, – неожиданно встретал в этом месте Лениного повествования Олег, – познакомились?»

«Не знаю... – терялась Лена, – мать мне, как видно, не рассказывала... да и что там с этой клюквы было денег? Если бы втроем, но сестра была маленькая еще совсем. Денег все равно было мало. Если бы не бабушка, социолог на пенсии, которая в садоводстве под Лугой выращивала кур и потом делала консервы, и огород вела – жрать нам было бы нечего... И зря мать ту палатку забросила, но у нее после всех этих передрыг нервы сильно сдали...»

А еще, вспомнила Лена, одно время мать ходила в одну из бань, и, по договоренности с банщиками, забирала у них уже использованные клиентами, потрепанные и выброшенные в банную «мусорку» веники. Обтрепки эти, выбрав, что попримечнее, они с Леной сушили дома, потом снова заворачивали в газетку и Лена с матерью снова продавали их, сидя вечером (но только вечером) на деревянном ящике возле бани.

«Ой-йё, – говорил тогда Олег, весело тараща глаза на Лену в комическом ужасе, и она, улыбаясь, пожимала плечами – «ну а что поделать...»

Четыре самых тяжелых года – с 1991го по 1995ый – прошли в этой суете, и Лена еще успевала учиться в универе.

Еще она могла бы рассказать Олегу, как катастрофически не хватало им с матерью и сестрой денег, как экономили на всем, как неуютно чувствовала она себя рядом с хорошо одетыми однокурсниками, как разрывалась, стараясь и заработать, и доучиться. Как стыдилась старую изношенную куртку сдавать в университетский гардероб и таскала ее с собой на все лекции; и про целлофановые пакеты, вложенные в дырявые сапоги, чтобы не промокали ноги, и про защитные-перезащитные колготки и заношенный до дыр бюстгалтер. И как поэтому, в том числе, поэтому, она хотела учиться, и чего-то добиться в жизни, обязательно. Лене исключительно повезло (как она поняла со временем) с куратором группы, пожилым биологом. Вид вакхана-

лии окружающей жизни у него вызывал одну реакцию – философскую. «Перемелется – мука будет, – говорил он, – делай, что должно и пусть будет, что будет... Главное, чтобы вы профессию любили, а уж какой работа будет – не столь важно... А грязная пена схлынет, когда вода успокоится...»

Но об этом Лена Олегу не рассказывала.

Она хотела говорить об отце, но медлила это делать: эта беспокойная часть ее души притихала, погружалась в небытие рядом с Олегом; так он действовал на ее страх, на ее гнев, на ее чувство безысходности. Он был красив суровой мужской неяркой красотой, очень крепок, силен и спокоен. «Сибиряк! настоящий...» – расплывалась в блаженной улыбке Лена, разглядывая его каменный профиль. С ним было слишком хорошо, чтобы думать о смерти.

О чьей либо смерти.

Умолкнув, она укладывалась головой на подушку, смотрела на Олега. Тот с обычным задумчиво-непроницаемым видом разглядывал потолок. Ей в профиль были видны слегка впалая гладкая щека, мощная коротковатая шея; круглое сильное плечо, выпуклая широкая грудь, тихо, еле заметно вздымающаяся дыханием. Лена клала ладонь на нее – теплая, твердая, под гладкой кожей бугрятся мышцы. «Так ты говоришь – ты спортсмен?» Он хмыкал: «Все мы тут – спортсмены...» Лена хитрила: «Баскетболист?» Он недоверчиво поглядывал на нее черным глазом, улыбался, отворачивался, – оценил юмор: он среднего роста, выше Лены, но она метр шестьдесят восемь всего. «Тогда волейболист», – не унималась Лена. «Угу», – лениво гудел он в ответ. Лена не отставала, возилась в постели и нагло забиралась на него сверху. Мимоходом полюбовавшись на «бабочку» из выпуклых мышц на его животе, она по-своему располагалась и начинала рассуждать: «Сейчас установим, какой ты спортсмен...»

«Бокс», – сдавленно сипел он, морщась, потому что Лена бесцеремонно расталкивала бедрами его ноги.

«Бокс? Нет, у тебя ни нос не сломан, ни ушные хрящи... Что там еще? Борьба? Греко-римская, вольная... Нет, ты все-таки, извини, но ты не такой здоровенный, как они обычно бывают, вообще... лоси».

«Откуда ты знаешь?»

«Отец рассказывал. И мы смотрели с ним по телевизору... Дзюдо, каратэ, самбо – что? Нет, каратэ – вряд ли, они сильно прыгают и ногами размахивают, там дрищей много. Дзюдо, наверное...» Олег закрывал глаза, улыбаясь, начинал вздрагивать, – это он, оказывается, смеялся. Потом успокаивался. Он выглядел таким довольным, уверенной силой так и веяло от него, так покойно лежали по бокам крупного тела мощные руки; широкие, чуть покатые плечи выделялись на белой простыне, грудные мышцы были выпуклыми, рельефными. Большой, сильный, могучий; в своей мужской матерости он казался ей неуязвимым. Только... ровные, темно-красные круглые соски были напряжены. Сладкая волна поднималась внутри Лены, тихонько обнимала ее сердце. Лена тянулась повыше, касалась губами темно-карминной ареолы, принимала к ее легкой шершавости и слышала, как тихий вздох...

...Внезапно память подсовывает ей картину: красные вздувшиеся веки матери, дрожащее распухшее лицо, кровь на разбитых губах, кровь в кухонной раковине, мешанина красных и синих полос на шее... Лена замирает... Тут же чувствует, как теплая жесткая ладонь ложится ей на затылок: «Што». Она растерянно смотрит перед собой, и вспоминает, как мать, морщась, пила на кухне корвалол, ее трясло и трясло, и она как будто не могла усидеть на месте, все порывалась встать с табуретки, ерзала, дрожала; Лена металась по квартире в поисках, чем бы ее укрыть... «Што. Лен?», – повторяет улыбаясь, Олег. Она растеряна, она почти забыла это: «Мать избили однажды, я вспомнила, она пришла, не лицо было, а один сплошной отек, и она так и не сказала, за что... И палатку эту свою забросила. И на рынок мне запретила ходить. Так и не сказала, почему...». Лена не смотрит Олегу в лицо; почему-то стыдно, почему-то жаль,

что она сказала ему, а он как будто все понимает, обнимает ее и шепчет: «Такая жизнь. Незабудка. Такая жизнь».

В стену застучали. Стук был ритмичным и каким-то неживым. Стучала, наверное, кровать, спинка кровати, на которой... Что там происходит? Подтверждая Ленины подозрения, чуть погодя, за стеной начала громко стонать какая-то баба. Стоны тоже были ритмичными, и Олег хмыкнул, глядя на Лену:

– Ну у тебя и лицо. Ерунда же.

Лена растерянно ему улыбнулась и вновь тарасилась на невидимый источник звука. Олег с тихим смехом прижал ее к себе, подмял под себя, жадно поцеловал в губы, тугими бедрами пошире растолкал-раздвинул ей ноги, зашептал в ухо нежно – «девочка, маленькая», – и через минуту она перестала различать любые звуки, кроме его и своего дыхания... да и те смутно.

Тем более что и стонать и стучать за стеной перестали очень быстро.

И молчать вдвоем с Олегом тоже, как выяснилось вскоре, очень хорошо.

...Однако, однажды вечером, когда она работает в оранжерее, то и дело впадая в ступор от сладких воспоминаний и роня садовый инструмент, очередной «мерседес» привозит Олега и опять двух каких-то девок, – высоченных, разряженных, и, что самое обидное для Лены – красивых. Он быстро уводит их куда-то вглубь дома-дворца.

Лена чувствует, как будто ей, со всей дури, заехали молотком по лбу. Оглушенная, она не сразу приходит в себя, а когда приходит, то разъяряется до красных пятен в глазах. Ее, вскипевшую, не успокаивает ни то, что на этот раз все были вроде трезвы, ни то, что Олег девок в этот раз не лапал.

«Опять со шлюхами! Да што ж это за человек такой! Ведь мы оба, оба же... в глаза мне смотрел, глаза как у оленя совершенно, задыхался, я же видела, видела! Кобелиные зенки его огромные! „Девочка моя“! „Автосервис“ у него, твою мать! Целых две штуки! Две „автомойки“, обе на каблуках... Нет, это невозможно! Я не могу так!..»

Все эти приставания ресторанных дам и девиц к Олегу, все их косые взгляды на Лену и матерное шипение за ее спиной возле зеркал туалетных комнат из уст посетительниц этих зланных мест; вся эта бешеная бабья конкуренция за очень видного собой (и явно платежеспособного) самца, вдруг всплывают в ее памяти и встают, как забор, между ней и Олегом...

Дрожа от бешенства, с трудом доработав положенное время, Лена несется по дороге от дома-дворца по направлению к шоссе, (наплевать-то, что до него – полчаса, как минимум, пешим ходом), вся пылая праведным гневом и шепотом матерясь, как пьяный матрос... Она уже мечтает, как завтра позвонит Кабээсу и скажет: «хера лысого ты, сукин сын, получишь эту долбаную оранжерею нормальной, пусть кто-нибудь другой тут херачит здесь вместо меня, и...»

«Шмаровоз!» – вдруг вспоминается ей слово из Словаря тюремно-воровского жаргона, который недавно приволок им с Алиной Костик.

...Они сидели, как всегда, на кухне у Алины – хозяйка с сигаретой в длинном мундштуке, Костик с подбитым глазом, Лена с новой укладкой на голове... Вместе они прошерстили-пролистали словарь от начала и до конца, девки долго ржали: «Бикса – проститутка. Варюха – типа, возлюбленная... Слышь, Алин, как в „Поднятой целине“ дед Щукарь рассуждал: плохая девка – бордюр, а хорошая, стало быть, – акварель... Козел. Ну, это понятно. Пеструшка!

А почему это – педик? – Судя по словарю, гомосексуалисты – это главное в жизни вора... столько слов на эту тему, прямо каждое второе... – Не, еще и проститутки... гомики – потому, что тюряга... – Не, пидоры – важнее!.. – Ахаха... – Не, кстати, вы, девки, не понимаете – если козлом кого-нибудь назвать, могут и убить... страшнее нет оскорбления для пацана...»

«Пидор, Олег, сука...» Здесь Лену обогнала черная машина, она резво ушла вперед и скрылась за поворотом. Машина ей была знакома, а дотащившись до шоссе, Лена и вовсе ее узнала: Олега. Тем более, что когда она проходила мимо, дверь с ее стороны открылась и знакомый голос позвал:

– Садись.

Она колебалась, – не послать ли его тут же, – но желание посмотреть в его бесстыжие глаза перевесило и Лена с достоинством наклонилась и заглянула внутрь: Олег улыбался, но, увидев ее лицо, перестал это делать.

– Что такое.

Лена почувствовала себя круглой душой, но решила и в этом упереться: глядя в сторону, она сказала:

– Я сама доеду.

И тут же пожалела об этом, поняв, что сейчас самым логичным будет с его стороны закрыть за ней дверь и дать по газам.

И все. И останется ей только уволиться, потому что она умрет на месте, понимая, что больше никогда не сможет к нему подойти и обнять, и...

Вдруг – рука, сильная, мужская, с коротковатыми пальцами в темных волосках, высунулась и цапнула ее за шею; легко втянула-вбросила ее в машину, а потом прижала ее к сиденью.

– Сядь. Что такое?

Разгоряченная, набычась, она с вызовом бросила:

– Ты опять их привез, да?

Он вытаращил на нее свои огромные глаза:

– Кого?

– Баб, – сказала Лена, стараясь не кричать, перейдя поэтому на злющий шепот, – баб опять привез, как и всегда это делал. Две штуки.

Пока Лена сверлила его глазами, ждала, пылая, он спокойно разглядывал ее и в итоге сказал:

– Ну. Дальше.

– Нет, – вся кобенясь, еле выговорила Лена, – это я тебя хочу спросить, что было дальше... Хотя и не мое это в общем-то дело... Если ты их привез, – зачем ты меня зовешь? Я уж не спрашиваю, зачем... зачем ты их все-таки привез? Я, как дура, я так ждала, ждала, как... я вся, как идиотка...

...его рука тихо легла на ее голое плечо и поползла вверх, к шее, – Лена попыталась ее спихнуть, рука убежала, но вернулась...

– ... не трогай... Не хочу я так, не буду, я поеду лучше...

Он схватил ее за шею, больно, притянул к себе, близко, попытался поцеловать в губы, другая его рука скользнула ей под грудь, сильно прижала – у Лены тут же сладко заньло в животе... Она вздрогнула, потому что Олег зашептал ей в ухо:

– Ну, – привез. Я ведь уехал. Уехал... за тобой...

Она закрывала глаза, вслушиваясь в этот нежный шепот, но потом, назвав себя мысленно «тварью», задержала дыхание, а потом выпалила ему прямо в лицо:

– Жук, свистун, ботало! Это зачем же ты мне горбатого лепишь? ты меня коридором-то не проведешь!..

Он отпустил ее мгновенно:

– Не понял...

– Не понял? Я с тобой, на твоём языке... Ты шмаровоз? Что это за биксы были, бановые?

Ну раз не варюхи...

Он посмотрел на нее с тревогой, как на опасно заболевшую:

– Ты где нахвталась-то?

– Костяныч принес словарь блатных слов и выражений... Вот наблатьяюсь и заживу без несчастья! Поскольку втюрилась в тебя, как вольтанутая, а ты со мной, как с бичевкой...

Олег, не слушая ее больше, берется за рычаг сцепления, смотрит в зеркало заднего обзора, и машина быстро вымахивает на шоссе. Ту же слева быстро, с заунывным воем-сигналом, проносится кто-то вперед, и Олег тоже резко прибавляет ходу и несется куда-то...

...«Останови, я выйду! – Выходи». Ну да, выходить на такой скорости... и Лена, презируя себя, извращается, припоминая избранные места словаря, всю дорогу. «Меня на такую выдру променять, две таких выдры, кадык им вырвать... Или это у тебя гешефт такой, с голощелками? Авторитет ты липовый, – язвит Лена, – ерша, значит, гонишь... дармовик! Че это ты засох. Не туфту гоню, стало быть... Ясно теперь, что за дела... кадры рисуешь, стало быть, целыми днями... Уважуха!» Олег молчит и смотрит вперед.

К тому времени, когда они оказываются возле мотеля – трехэтажного здания позади автобусной остановки в небольшом курортном поселке, – Лена переходит на жаргонные определения гомосексуалистов, опасаясь, впрочем, адресовать их Олегу. «Мохнорылый! – восклицает она как бы в воздух, – Петух! Козел! Дятел! Больше всего слов на эту тему, кажется, в словаре, – говорит она сама себе удивленно, – козел, дама, жена, кочегар! Пеструшка!»

Олег загоняет машину на стоянку, окруженную высокими соснами, выключает зажигание, выходит из машины и закрывает дверь. Лена выходит следом – и замолкает, и вдыхает полной грудью. И такая вокруг стоит лесная летняя хвойная духовитая и песенно-птичья благодать, что жаль пятнать ее грязью того словаря.

Они поднимаются в номер, заходят внутрь, Олег бросает ключи на тумбочку, садится на кровать, смотрит на Лену, и, помолчав, говорит:

– Хорошая память.

Лена вздыхает. Смотрит на кровать за его спиной и понимает, что это – тот самый номер, в который привез он ее всего несколько недель назад, ночью, после встречи в оранжерее. На этой кровати они сплетались, обвивали друг друга телами, на этом одре перекатывались друг через друга, как волны морские, она кричала от разрывающего ее счастья, срывая голос, в здешнюю жесткую подушку, и услышала и от Олега несколько стонов, хриплых, сдержанных. Она смотрит на него – и краснеет, и опускает глаза – такой он здоровенный, широкоплечий, большие черные глаза блестят игриво и ласково, ноздри слегка раздуваются. Хитрый... Лена опять вздыхает и смотрит в сторону мрачно, но вся превращается в слух, когда он заговаривает:

– Я просто привез. Не бери в голову.

– А разве не может кто-то дру...

Он отвечает быстро, перебив ее:

– Будет так, как было. Я могу их привезти, а потом с тобой встречаться.

– Ишь ты! – удивляется она. – А жена там, у Кабэ... Константина Сергеевича? Как это?

Вот что это за... твою мать?

Он морщится:

– Матом. Никогда. Ясно?

Лена хочет промолчать своенравно, но Олег строго смотрит на нее, и она решает ответить:

– Ясно.

– Молодец. Иди сюда.

Внутри у Лены все еще кипит. Нехотя она подходит, и, уперевшись руками ему в плечи, пытается опрокинуть его на спину, чтобы потом придушить, примучить. Но проще свернуть тепловоз с рельсов. Олег сам валится навзничь, обняв ее, увлекая за собой. Через секунду он ловко переворачивает их обоих и оказывается сверху.

Лена значительно смотрит ему в глаза и грозно шепчет:

– Бестолковку бы тебе отремонтировать...

Он отвечает – также шепотом, приподняв свои красивые брови:

– Не гони порожняк.

Они смотрят друг другу в глаза, Лена видит: доволен, уверен, торжествует; черные глаза мягко сияют... склоняется, начинает тихо целовать ее шею. Чувствуя, что злость ее сдается, поддается, плавится, как масло на огне, она думает: ладно, это сейчас – действительно важнее, а с красивыми проститутками – мы увидим, чья возьмет... Неожиданно вспоминает о его блатной фразе.

– Олег, а ты тоже эту... блатную музыку знаешь?

Она слышит, что он улыбается:

– У меня тоже есть словарь.

– А зачем он тебе?

– Ну... – Он языком чуть трогает кожу на ее шее, как будто пробуя на вкус, голос у него тихий, обманчиво-спокойный: – С волками жить – по-волчьи выть...

Лена изворачивается, чтобы посмотреть ему в глаза, понять, но ее легкая тревога тонет сразу в их черной горячей глубине, и способна сейчас понимать только одно: ох как хорош, ох горе мне... И Олег, уже изнемогая, шепчет, обдавая ее лицо сладким дыханием:

– Такая жизнь, незабудка. Такая жизнь.

Утром, в постели, всякие нехорошие мысли нахлынули с новой силой.

Лена долго смотрит на обнаженного до пояса спящего Олега, борется с желанием стянуть дальше простыню, – чтобы еще раз посмотреть на его мужскую красоту; слушает почти неслышное его дыхание, вдыхает запах его кожи, сладостный для нее, с тоской тихо трогает кончиком пальца его шелковистую соболиную бровь. Она стискивает зубы и старается думать о том, что она все делает правильно. Что это сейчас тяжело, а потом станет легче.

Встает, одевается и тихо собирает вещи. Она уже поворачивает ключ в замке, когда со стороны кровати раздается тихий шорох и знакомый голос, еще более хриплый после сна, говорит:

– Ты куда.

Лена еще немного стоит к нему спиной – собираясь с мыслями и духом, вздыхает и только потом оборачивается: Олег смотрит на нее одним черным глазом, не подняв головы с подушки, но взгляд у него внимательный. Она молчит. Он ждет.

– Понимаешь... – начинает Лена, кусая губы. – Я так не могу. Лучше я... – она замолкает, вздыхает. – Короче, я тебя очень... я очень в тебя влюбилась. Ты мне... для меня... – Олег приподнимает голову и водит лицом из стороны в сторону по подушке: чешет нос. – Я не могу так! – вскрикивает она. Он замирает и потом смотрит на Лену. – Я лучше уйду сейчас, чем... я не хочу тебя ни с кем делить. Все эти... девки. Все равно не смогу. Так уж лучше сейчас все прекратить, чем потом рвать, а то ведь я к тебе привыкну... еще сильнее. Я не смогу... – Слезы выступают у нее на глазах, голос дрожит. Олег легко садится в кровати; огромный, как медведь. – Короче, не надо нам встречаться. Извини меня, прости, я не буду больше... я пойду...

– Лен, – останавливает он ее. – Зря ты так. Не думай ты об этом.

– Я не думаю, – шепчет она, чувствуя, как текут слезы по щекам. – Это твое право, встречаться, с кем ты хочешь... Но я так не могу!

– Да ты не поняла ничего! – просто говорит Олег. Он начинает медленно, со странным выражением лица, улыбаться. – Короче, не бери просто в голову ты этих баб.

– Как это? Я не понимаю ничего! Вот что это за твою мать!

Олег суровеет:

– Матом. Никогда. Ясно?

– А тебе материться можно?

– Мне можно.

– О господи!.. – вздыхает Лена, возведя гневно очи горе, и потом таращится на Олега – шутишь ты, что ли?

– Да плюнь ты на этих баб, – втолковывает ей Олег, кривой ухмылкой «заминая» улыбку, – просто привез... не думай ты про это.

Но все равно. Лена возмущена, расстроена, сбита с толку, даже слезы высохли. Она пытается хоть что-то сообразить, не получается, и она хмурится:

– Нет, так не пойдет – «просто не бери в голову»... Я все равно же ревновать буду, я вся изведусь, нет, нет и нет... не хочу я так, я пойду лучше...

– Ааа...

Он выскакивает из-под простыни – голый, огромный, – почему-то сразу оказывается рядом, хватая ее – Лена пищит – бросает на кровать и наваливается сверху. «Не пуцу, не пуцу, ты моя, моя, лежи, кому сказано, все...» – шепчет он задыхающейся скороговоркой ей в ухо и Лена слушается, и закрыв глаза, тянет ноздрями дразнящий запах его горячего тела, и опять вся предательски слабеет... Но прежде чем позволить себе растаять окончательно, она начинает торговаться: слабо отталкивая его голову, с поддельным презрением глядя на его улыбающиеся губы, она все-таки обговаривает свое право – Олег никогда больше никому не будет возить никаких баб, или она уйдет... от него... насовсем... наверное...

*Примечания.

«Муха» – Ленинградское высшее художественно-промышленное училище имени В. И. Мухиной, с 1994 года – Санкт-Петербургская художественно-промышленная академия имени А. Л. Штигица

«Бумер» – автомобиль БМВ (жарг.)

Из Словаря воровского (бандитского) жаргона:

Ботало – язык, вран.

Бестолковку отремонтировать – разбить голову

Бикса бановая – вокзальная проститутка.

Бичевка – дешевая проститутка.

Варюха – возлюбленная.

Вольтанутая – сумасшедшая.

Втюриться – влюбиться.

Гнать – говорить.

Дармовик – неактивный соучастник преступления, получающий равную долю.

Ерша гнать – выдавать себя за другого человека.

Жук – 1. игрок на бильярде; 2. преступник; 3. ловкий человек, плут.

Засохнуть – замолчать.

Лепить горбатого – 1. давать ложные показания; 2. обманывать.

Липовый – фальшивый, поддельный.

Наблатыкаться – научиться чему-либо.

Порожняк – пустое; глупость.

Провести коридором – скрыть правду.

Шмаровоз – сутенер.

Рисовать кадры – снимать или нанимать на работу проститутку (в данном случае)

Свисток – врун

Туфта – подделка, обман.

* * *

«Шлюха ты, шлюха, проститутка, – выплевывала с хрипом мать, наблюдая и не в силах помешать сборам Лены на очередную встречу с Олегом. – С бандитом связалась, на двадцать лет тебя старше, черт бы тебя побрал, с дебилом, уродом, он не только тебя в ад утащит, что и ладно бы, он нас всех утащит, проклятый... – Мам! За что ты так его! – возмущенно восклицала Лена. – Я люблю его, ты не знаешь, что это такое, так хоть поверь мне... Да и не бандит он, я тебе зря тогда так сказала, я не знала, кто он, я не думаю, я не знаю... нет, не бандит он... У него – автосервис».

Мать высоко задирала на некрасивом, оплывшем, старом морщинистом лице куцые жидкие брови, широко разевала рот, где слева вверху не хватало зуба, громко расхохотавшись Лене прямо в лицо, обдав кислым запахом, круто разворачивалась, как «Титаник» в предвиденье айсберга, и уходила в комнату; там громко орал телевизор: Кирка смотрела «Кто хочет стать богатым». Лена выскакивала из квартиры – хлопала дверь.

«Черт, старая дура, спятила, просто спятила... – шипела Лена себе под нос, бегом, на каблуках, по мере сил изящно преодолевая расстояние до машины Олега. – Еще бы хватать и не пускать меня вздумала, жирная корова... Все жрет сладкое, с таким-то весом, сладкие булочки... дождется диабета, дура ненормальная...» Все еще шипя себе под нос, дергала ручку двери машины, та не открывалась; внезапно кто-то сзади хватал ее под грудь и прижимался жестким телом, говоря с тихим смешком: «оппа...» Разгоряченная скандалом Лена, ойкнув, испуганно смотрела на обхватившие ее ручки – смуглые, пальцы в темных волосках и знакомый золотой перстень-печатка на левой: Олег... Он мягко спрашивал, хрипловатый низкий шепот его раздавался где-то возле ее загоревшегося уха: «Ты чего такая?» Лена сразу успокаивалась и даже легко теперь могла соврать: «Посуду не домыла, убежала, мать недовольна...» Олег хмыкал, расцеплял руки, поворачивал Лену лицом к себе – черные глаза сейчас светились лаской... Он улыбался ей и Лена мгновенно забывала про все эти глупые домашние перипетии...

После того, как Лена несколько раз не вернулась ночевать – из-за встреч с Олегом, – мать закатила ей натуральную истерику с угрозами физической расправы и категорически, даже как-то ревниво, потребовала от нее всегда ночевать дома. И отдавать ей всю зарплату. Всю! Теперь Лену подвозил сам Олег или они добирались на «ночном бомбиле» – вольном такси. Прощание всегда нещадно затягивалось, расставаться не хотелось обоим. Олег не спрашивал, почему она не хочет остаться с ним в гостинице, а Лена не собиралась говорить ему про мать – ей казалось, что это было бы перекладыванием на него своих проблем. У него появилась странная манера вручать ей подарок при расставании: стоило ей сказать: «мне пора», как Олег, сжав губы, тянул из куртки или сумки дорогие духи, или что-то золотое – кольцо, браслет, часы; молча смотрел на ее восторги... Или просто давал ей пачечку денег и говорил: «купи себе че нить, я не успел, замотался...»

Она старалась отдариваться: дорогая ручка известной европейской фирмы (Лена надеялась, что не подделка), красивая записная книжка (дорогой переплет; кожа), дорогой бре-

лок – с изображением золотого льва, Олег порозовел от удовольствия и сразу нацепил на него ключи от машины; Лена спросила, когда у него день рождения и он ответил: в августе. Лена была счастлива смотреть на крепкий мужской кулак, зажавший сверкающую фигурку хищным, захватническим жестом, на мягкий румянец на смугловатых скулах. Вопли матери, которой опять не хватило Лениных денег, споро истаивали в памяти. Но раньше, чем она поняла, что денег на дорогие подарки ей все-таки не хватает, Олег сказал: «Перестань. Сама приезжай, и хватит».

Ну, она все-таки старалась купить к свиданию хотя бы дорогие презервативы, слава богу, – они появились в продаже. А ведь не было раньше никогда. Белые, черные, красные, синие, ребристые, с усиками и бороздками, с пупырышками, ароматные, ультра-тонкие – Лена искала все новые разновидности этого товара секс-индустрии – потому что Олег их ненавидел, но всякий раз соглашался попробовать «что-то новенькое»...

Дома она по-прежнему ночевала «через раз», вечно ссылаясь на Алину. И однажды гром таки грянул. Мать не поленилась ночью добежать до квартиры Алины, и, не найдя там дочери, устроила ей грандиозный скандал. О том, какую трепку задали ей потом дома, Лена Олегу рассказывать не стала, но он и сам догадался о чем-то по ее пришибленному виду и уже на следующий день они внезапно, вместо ресторана, отправились на теплоходе на Валаам. Храмов великого архипелага они не видели, выходя из своего люкса (ненадолго) только на ужин в ресторан, да на палубу – вдохнуть ладожского насквозь сырого воздуха, отведя все отпущенное им время двухдневного круиза самой сумасшедшей и оголтелой любви.

Иногда не выходили и в ресторан... В круиз (собирались они наспех) Олег взял с собой полуторалитровую бутылку дорогого виски, «греться», да прихватил на пристани у какого-то рыбака здоровенный пластиковый мешок ладожского снятка – мелкого, кривоватого, сухого. Они пили элегантный двухсолодовый шотландский виски, закусывали русским сивым, сиволапым, видом как алюминиевая стружка, снятком, и смеялись – «от глистов будем вместе лечиться». Лена боялась, что они с Олегом будут умирать от жажды, но – нет, несмотря на всю соленость снятка, пить им совсем не хотелось. Жажда их была другого свойства.

В перерывах Лена читала Олегу вслух избранные места из иллюстрированной фотографии брошюры «Валаам», которую всучила ей перед отъездом прозорливая Алина – «Хоть так на остров посмотрите, знаю я тебя...» Обнаженный Олег, с очень довольным видом развалившись на постели, пристроив к себе поудобнее голую Лену с книжкой, лениво слушал эти избранные места.

«...В монастырских питомниках и рассадниках Валаама высаживались семена дубов, сибирских кедров, южных каштанов, лиственниц, лещины, клена. То есть деревьев, не свойственных Карелии», – читала Лена, – «...подросшие деревца рассаживались на острове, в местах, укрытых от непогоды. Прекрасная аллея из 200 лиственниц ведет к Игуменскому кладбищу, на нем растет большое количество кедра сибирского...» Лена смотрела на Олега, улыбаясь, говорила ему: «Видишь, когда тут уже кедры сибирские появились...», тот в ответ расслабленно поднимал красивые брови: «Нечего делать было святым отцам, как видно... ну да, без баб-то, куда время-то девать...» Лена фыркала, ощущая неловкость; противопоставление «святые отцы и бабы» не казалось ей забавным. Потом, удивляясь, пододвигала Олегу разворот брошюры с фотографией: «Посмотри, какой храм – деревянный, бревенчатый, в Торжке дома такие есть купеческие – как остроги... мы в школе были на экскурсии «Пушкин в Тверском крае»...» Олег, резвясь, совал нос в книжку, делал вид, что читает, но через три секунды спрашивал, явно дурачась, томно глядя на Лену: «А про баб там ничего нет?» «Про женский монастырь, что ли?» – не выдержав, смеялась Лена. «Ну хотя бы...» Тут Лена задумывалась, лезла полистать книжку, хотя и сомневаясь наперед в положительном результате розыска. Олег

смотрел на нее и начинал посмеиваться, подрагивая крупным своим телом, голова его склонялась к Лене, задыхаясь смехом, он щекотал дыханием ей шею: «Голая, с книжкой... Не могу, хочу... почитать... охoho, тебя...»

Отсмеявшись оба, погружались они снова, опять, неизбежно в «разврат».

«Развратом» Олег называл любое сексуальное действие.

...Когда теплоход, подойдя к пристани у Речного вокзала, мягко толкнулся длинным боком в прикрученные рядком по ее причальной стенке автомобильные покрывки, и прижался к ним бортом, большой, мощный, то Лена, рядом с Олегом наблюдавшая за процессом швартовки, подумала, что это похоже на давних любовников, давно влюбленных друг в друга мужчину и женщину, как встречаются и прижимаются они друг к другу после недолгой разлуки, скажем, – после рабочего дня. Тут пахло: рекой, водорослями, йодом, сыростью, мхом, камнем набережной, и ко всему немедленно примешалась душная струя бензинового выхлопа. Город, – с нежностью подумала Лена; Питер... Возвращение в Питер – всегда чудо. Лена взглянула на Олега – он тоже внимательно смотрел на швартовку и даже чуть улыбался. Ей захотелось сравнить ощущения с тем, что чувствует он, и она сказала: «Правда ведь, когда в Питер возвращаешься, если даже не было тебя тут один день – все равно, как будто снова на родину, да?» Олег, замороженно глядевший на темно-зеленую воду, плещущую между бортом теплохода и пристанью, медленно качнул подбородком снизу вверх, вздохнул широкой своей грудью, поднял глаза на Речную гостиницу, высившуюся перед ними, и подтвердил: «Питер – город важный, да...» И у Лены внутри, в груди, счастье в этот момент свернулось большим пушистым комком. Олег взял ее за руку, и так, связанные друг с другом больше, чем впечатлениями, они сошли на берег...

И вот, после всяких таких приключений, зачастую утром Лена шла на работу (Олег обычно по утрам никуда не торопился). А в оранжерее надо было выкладываться физически. А у нее ломало во всем теле, болел низ живота, кружилась голова, шумело в ушах, терзало ощущение какого-то «песка» под веками, но все это стоило того, стоило, стоило, – в этом она не сомневалась.

Как стоила того и работа – Лене нравилось то, что нее получалось в оранжерее; розы и папоротники, как и остальные обитатели «зимнего сада», радовали глаз зеленью листьев, яркостью цветов, что свидетельствовало ей, как ботанику, о правильном потреблении кислорода корнями, а это, в свою очередь, говорило о нормальном состоянии почвы, о том, что удобрения были внесены разумно... Она смотрела на розы, на папоротники – и испытывая уже знакомый кураж, душевный подъем, шептала восторженно – «кайф, кайф», и тут же, жмурясь, вспоминала, как при последнем прощании Олег обнял ее так крепко, что у нее чуть не затрещали кости, зарылся лицом в ее волосы и сказал: «Незабудка, век бы тебя так держал и не отпускал никуда...»

Стоя среди буйной зелени оранжереи, она запрокидывала голову, закрывала глаза. Вдыхала ни с чем не сравнимый запах – цветов, листьев, земли, могучей природы, вспоминала Его запах. Она испытывала счастье.

И – головокружение.

В доме-дворце Лена почти с Олегом не виделась: он стал редко там бывать, а потом и вовсе упомянул, что ушел от Кабээса. И она сократила свои рабочие часы в оранжерее, особенно после того как чуть не грохнулась там в обморок – прямо в том тамбуре, где состо-

ялось их первое сумбурное соитие: стало душно, закружилась голова, перед глазами поплыли красные пятна, и случилось это вовсе не от воспоминаний.

«Я тебя заездил», – вдруг однажды констатировал Олег, ухватив Лену жесткими пальцами за нежный подбородок, разглядывая синяки под ее глазами, которые она тщательно замазывала тональным кремом. Лена напряглась и из последних сил защебетала, что все нормально, но Олег, не слушая ее, лениво сказал: «Брось ты эту работу, сиди дома, я денег дам...» Лена благодарил его, залезла к нему на колени, ласкалась, как кошка, а сама в это время пыталась сообразить, что будет хуже – потерять работу (и сидеть дома с матерью) или быть брошенной Олегом ввиду утраты ею «товарного» вида. Оба варианта были хуже.

Отвлечь его должен был хороший минет... Но через пару минут Лениных стараний Олег аккуратно отвел ее голову от себя, и сказал, давясь смехом (это было что-то необычное): «Да ты же заснешь сейчас, уймись...», – и вопрос работы в оранжерее потерял для Лены былую актуальность.

Ну, по крайней мере, ей вовсе не стоило теперь работать пять дней в неделю по 12 часов...

Теперь они стали видаться очень часто и их жизнь быстро вошла в некую колею. Ресторан, гостиница, такси. Ресторан, гостиница, такси. Точки общепита и временные пристанища раз от разу становились все лучше и богаче, а впрочем – Лене было все равно, так как главным был Он – его глаза, его губы, руки и все его тело, его тихие ласковые немногие слова, с которыми он обращался к ней. Лена и не подозревала раньше, что плотской любви может быть в жизни так много, и что она может быть такой разной... На Олега она смотрела как на гуру, учителя, подчинялась ему беспрекословно и трепетала почти в священном ужасе, глядя, как склоняется перед ней его уже сильно седеющая голова... Он то почти боготворил каждый миллиметр ее тела, лаская, целуя, проникая, как будто совершая над ним некий высокий ритуал, то хватал ее грубо и хищно, присваивал почти насильно, и на кокетливое ее сопротивление отвечал угрожающим утробным рыком. Она во всем следовала за ним, внимала ему, подчинялась ему, повторяла за ним, и оба так летали и парили над этой грешной землей, что обычно возвращала их назад (стучом в дверь) уже только горничная отеля, приходившая, и уже не в первый раз, убирать номер, и уже с «группой поддержки», в виде подобострастного метрдотеля или вытянувшегося струной охранника, так как заказанное в гостинице время давно вышло.

Дорогие рестораны скоро показались Лене в этой жизни совершенно лишними. Молча и на трезвую голову – пить ей не хотелось, так как и Олег почти не пил, – смотрела она на местных обитателей: «как в аквариуме...» (Стеклянная крыша зала ресторана усугубляла сходство). Ей, привыкшей к университетской тихой публике, большинство посетителей-мужчин здесь казались зажавшимися барами со странными замашками, большинство девиц, – без спутников, с ищущими блудливыми глазами, – вероятными соперницами, официанты неприятно удивляли чрезмерной суетливостью и несусветным подхалимажем, цены шокировали неправдоподобием. Олег обычно наблюдал, как Лена безмолвно дивилась на чей-то пьяный кураж, потом ухмылялся в тарелку; Лена смотрела на него: «чего ты улыбаешься?» Он отвечал: «ничего...» И оба потом опять засматривались друг на друга, забывая обо всем вокруг. Ей казалось, что они с Олегом как будто отбывали здесь какой-то странный номер, в то время как должны были находиться совершенно в другом месте. Ей часто хотелось у него спросить: «кто все эти люди?», но Олег вел себя как ни в чем ни бывало, и ей приходилось поверить, что все происходящее – норма, и именно так все и должно быть.

Темная, горячая сила бродила в Лене, бурлила в груди, отзывалась сладкой тяжестью ниже, образ любимого светился и горел неземной красотой перед ней, очарованной... А здесь

надо было сидеть, молча выносить пристально-оценивающие взгляды праздной публики, терпеливо дожидаться перемены блюд – Олег заказывал всегда черте что, что-то сложное, – танцевать без него, в одиночку, потому что Олег не танцевал, и не особо был рад отпускать ее одну на танцпол, и – скука начала подкрадываться к Лене... Неприятная, тяготящаяся, она тащила за собой некие тени мыслей, например, о разнице в возрасте и в какой-то системе координат, о чем частенько талдычила ей Алина, но Лена решительно не хотела во все это вникать. Она просто вознамерилась немедленно это изменить.

Она долго думала, как бы сообщить Олегу о своей нелюбви к ресторанам, о скуке, которую они на нее навевают, причем, постараться при этом его не обидеть – ведь не в пивнуху приглашал он ее, а в самые дорогие и престижные места на Невском и в его окрестностях. Причем, сложность заключалась и в том, чтобы предложить альтернативу – а что Лена могла ему предложить? Велосипедные прогулки по городу, ночные вылазки на крыши? Ой, что-то она робела предлагать такое. Обсуждение прочитанных книжек, просмотренных фильмов, как с Алиной? Домашние игры в карты? в «дамский» преферанс? (Лена ломала голову, образ Алины в этой голове язвительно ухмылялся). Ну а что... Играли в него еще со школы с Алиной, Костином, и с кем-нибудь из их одноклассников. Самые захватывающие сеансы оказывались, когда для второй пары в этой карточной игре удавалось позвать стеснительного Алика Зальцфера... Костик всегда отчаянно мухлевал, умный Зальцфер всегда его уличал, а Алина его всюю поддерживала... Было много крику и смеха... Вот только выяснилось, что Олег недолюбливает Алину, а Зальцфер (выпускник матмеха Университета) вдруг взял, да и уехал в Израиль, как многие евреи тогда.

Так ничего и не придумав, Лена решила, что Олегу и самому скоро надоест таскать ее по ресторанам. Поэтому, когда он при новой встрече сказал, что они снова идут в «Асторию» (это был как бы сюрприз) Лена на мгновение потеряла самообладание. Она посмотрела на Олега беспомощно и растерянно вякнула: «Мне не хочется...»

Олег удивленно взглянул в ее вытянувшееся лицо, и, не сдержавшись, хмыкнул. «Ну, – миролюбиво отозвался он, – а чего хочешь-то? Во-первых, есть хочу, поэтому все равно куда-то пойдем, а во-вторых... На машинке покатайся хочешь? На бээмвухе, или на катере...»

«Дааа!» – взвизгнула Лена.

Как ей это самой в голову не пришло?

Бумер! Катер!

...Такого удовольствия она не испытывала с тех пор, как отец отвел ее впервые в «луна-парк». Лена категорически не хотела сидеть в игрушечной машинке или крутиться на малышовой карусельке... Нет, ей до черта хотелось на «чертово колесо», а «американские горки» были пределом мечтаний... Правила посещения парка аттракционов она сочла изощренной системой запретов, придуманной специально для того, чтобы издеваться над детьми.

...Олег где-то взял новый черный «бумер», и когда они прокатились уже по центру города, такого красивого, замершего, зачарованного светлой летней ночью, она попросила проехать по набережной вдоль Летнего сада... Они разогнались еще на Троицком мосту через Неву (Олег ездить медленно не умел), выскочили на набережную и понеслись... Сердце у Лены замерло ровно два раза – подлетев вместе с машиной на горбатом мосту через Лебяжью канавку и ухнув в пропасть сразу за ним... Справа, выгнувшись изящно, прочертила светлый воздух золотая цепочка роз гениальной решетки Летнего сада... И вновь сердце подпрыгнуло вверх, пролетая вместе с бумером над выгнутой спинкой моста через Фонтанку – и уже плавнее приземлилось на свое место... Дальше, дальше, понесло дальше – через мост налево, по набережной обратно по другому мосту и снова к Летнему саду... Лена тихо повизгивала и шепотом про-

сила «еще, еще»... и косилась на его смуглые ручищи, спокойно лежавшие на черном руле... Олег вздрагивал от беззвучного смеха, глядя вперед, говорил тихо: «детский сад»; закладывая поворот на скорости, машина слушалась его идеально, и Лене уже чудились в легком поревывании мотора отзвуки хрипловатого Олегова голоса, а в четких массивных очертаниях мощной машины, как будто явившейся из голливудских фильмов о гангстерах, – легкий очерк его фигуры, плотной и гибкой одновременно...

«Если ты не придешь домой ночевать еще хоть раз – я тебя выставлю из дома. Последний раз предупреждаю, Лена. Ты слышишь меня? – Слышу. – Так и знай. Хватит уже таскаться со своим бандитом... И вот только посмей привести мне его сюда, в мою квартиру, этого урода, убью вас обоих...»

...Петербург в те ночи как будто тонул в шампанском «брют»... Воздух даже был этого светло-нежного тонкого оттенка, оттенка смугловатой кожи Олега. Бутылку настоящей *Veuve Clicquot* они распили на двоих и из горлышка, стоя на набережной у Летнего сада. «Прелесть», – отпив, выдохнула нежно Лена. Олег улыбнулся, сжав губы, посмотрел лукаво искоса: «Есть с чем сравнивать? – Только с „Советским“ могу сравнивать, но это совсем не надо закусывать. – Не закусывай. Закуска градус понижает. А ты мне пьяная нужна. – Я и так пьяная... от тебя. – На камень не садись. Ко мне иди...»

За этим следовал томный поцелуй. После которого становилось совершенно ясно, что ему требуется продолжение. Олег интимно дышал ей в ушко: «давай в машине»; здесь выяснялось, что в машине посреди города Лена делать это не стремилась никогда; Олег размахивался и запускал бутылку из-под «Вдовы» чуть не на середину Невы... Лена провожала летящий объект глазами, смотрела, как бутылка шлепается в медленные невские волны и тонет в их расплавленном дымчатом золоте, и в ее слегка хмельной голове вкрадчиво бродили мысли: сказать ли ему, что он – дикарь? не швырнет ли и ее туда же, яко Стенька Разин персидскую княжну? Сильный, грозный, хищный, бандит, одним словом... «Бандит», тем временем, мягко брал ее за руку, вел к машине; открывал дверцу, помогал сесть и осторожно выруливал, соблюдая все (с чего бы это?) правила дорожного движения, на трассу, ведущую за город...

«Через север, на северо-запад», – вспоминала Лена незабвенного Хичкока, и поездка эта, по большому счету, могла бы быть страшной, если бы не были они оба... да, так влюблены. Да. Влюблены. Она не боялась, она ему доверяла, она видела, что он счастлив сейчас, и сама была счастлива этим... Лес летел и улетал назад по сторонам зачарованной этой трассы, плывшей севером, сивером, в дивную страну прохладных синих озер, растекался серо-зелеными, как ее глаза, полосами за окном «бумера»... Лена поглядывала на спидометр: 130... 140... 180... 200. 220! Ей хотелось визжать от восторга, но она закусывала губу и молчала... Черная машина неслась, не колыхнувшись, серое полотно шоссе было нечувствительно гладким, светлое небо неподвижно, ощущение полета почти реально... Лена зачарованно смотрела вперед, и в иные моменты ей казалось, что это не черный бумер летит над дорогой, а она сама – летит и парит без крыльев...

Он, сидевший рядом в водительском кресле, был для нее... Кентавром. Полубогом. Царем технократического царства. Она наслаждалась странным этим приземленным полетом и сказала ему об этом наслаждении, когда он пригнал машину к ее дому и зачем-то выключил мотор. Они сидели в удовлетворенно замолкшей машине, и как выяснилось много позже, испытали одно и то же чувство. Это было странное чувство родства, без сексуального притяжения, без вождения и без похоти, это чувство было очищено вообще от всех оттенков

и красок пола, – женского ли, мужского. Это сидели рядом люди, которые пережили вместе что-то необычное. Это могло бы быть крошечным ужасом, от которого они нашли спасение и укрылись вдвоем, но это не было ужасом, а было ощущением счастья полета и обретенной свободы...

«Он психопат», – сказала Алина после этого рассказа и покривила лицо. – У него нет чувства страха». Лена посмотрела на подругу весело: «Да нет, ну что ты... Он просто безбашенный, очень смелый человек. Гонищик». – «Ну да. Вот и я – об этом. Хорошо бы, – скептически заметила подруга, – хорошо было бы, если б его смелость выразилась только в этом...»

Лена задумалась. Но ненадолго. Думать мешало ощущение переполнявшей ее невероятной радости.

«Да ладно. Делай, что должно, и пусть будет, что будет...»

«Ой, эта уж твоя философия... не завела б она тебя – далеко и надолго... Да что с тобой разговаривать. Это бесполезно».

«Машина – зверь», – сказал Олег. В салоне «бумера» висела заинтересованная тишина, как будто он прислушивался, как будто был одухотворенным существом. «Ласковый и нежный», – кивнула Лена. Олег ничего ей не ответил, и долго молчал. Лена решила, что ей пора идти, и сказала ему об этом. Он по-прежнему молча смотрел вперед, в лобовое стекло. Она удивилась, но смолчала и потянулась поцеловать его в щеку. Олег не повернулся, не ответил на поцелуй, и, не дав ей выйти, просто завел машину и рванул снова со двора. Выехал на проспект и опять понесся...

Он впервые привез ее в свою квартиру – в новостройках на севере города – и оставил ночевать.

Квартира была странно пустой – почти без мебели и вещей. И – чистой. Идеально чистой.

Лене не спалось в эту ночь долго, на новом месте. Лежа справа от мирно посапывающего во сне Олега, на его широченном разложенном диване, на хрустящих от крахмала простынях (явно из прачечной), чувствуя тяжесть его руки на своей груди, она зачарованно смотрела в полумрак комнаты. Его выходка с увозом выглядела так... романтично. И так наивно: умыкнул, видишь ли... молча, грозно... отключила телефон, с матерью уладится как-нибудь... она всегда орет, но угрозы ее пустые... а он даже не спросил... сколько, интересно, здесь кубков вон на той стене... один, два, три... еще, спортивные... этот спортсмен опять из нее всю душу вытряс... а вместо сердца – пламенный мотор... живот болит... или не болит... а вместо члена – вечный двигатель... нда...

Боже. Как все-таки хорошо.

Кубки. И – автосервис.

Да. Автосервис.

Пусть его занятием по жизни будет автосервис. Только лишь автосервис. И раньше. Всегда. Пожалуйста. Господи, ну что тебе стоит. Ты же все можешь. Сделай так. Пожалуйста.

А что касается «всей зарплаты» – Лена и так отдавала матери все, что платил ей Кабээс... О деньгах, которые давал ей Олег, она матери не говорила, но видела, что та о них догадывается.

И с некоторых пор между ею и матерью возникла некая недосказанность, которая постепенно росла... Кирпичи непонимания складывались постепенно в стену отчуждения, и Лена чуть не воочию видела этот процесс, но не хотела ему мешать, как и не хотела анализировать – что, почему, да как.

Не хотелось ей об этом думать.

Жизнь ее текла безмятежно, счастливо, спокойно. Лена чувствовала себя, как новобрачная во время свадебного путешествия.

Эйфория, Золотой Порошок. Золотые невесомые нити везде, во всем – они струятся и сверкают в воздухе, обвивают все вокруг, обволакивают и струи летнего дождя, растекаются легкой светящейся дымкой над невской спокойной водой. Даже в бензиновом выхлопе Его машины чудится ей, что повисает, висит, пока не рассеется, легкий оттенок цветочного аромата. Папоротник. Цветущий папоротник. Мощный, могучий, грозно-красивый, властно-таинственный, непостижимый...

...Явно вдохновленный поездкой на Валаам, Олег вскоре предупредил Лену, что покупает тур на них двоих в Испанию, и Лена сдуру сообщила об этом матери (ведь они собирались уехать на две недели). Как следствие, отправиться им туда была не судьба: мать внезапно заболела. Она лежала в постели, лицо ее, расплывшее и обрюзгшее, полыхало – то ли гневом, то ли приступами гипертонии; она часто и тяжело вздыхала и на все вопросы отвечала: «Отстаньте, дайте мне сдохнуть, в конце концов...» Пришлось Лене остаться дома и ухаживать за ней. «У тебя же еще сестра есть, – мягко сказал ей Олег. – Кирка? Кирка ничего не умеет и уметь не хочет, – в отчаянии пожаловалась Лена, – когда дома одна остается, жрет одно печенье, ни пельменей, ни сосисок никогда себе не сварит, как мать на нее оставить... Таблетки она матери так утром и не дала, забыла, а я уехала на работу, когда она еще спала». Олег промолчал, а на следующее свидание приволок килограммовый мешок каких-то сушеных черных ягод. «Черноплодка, – пояснил он заинтересованной Лене. – Ядрена ягодка...» И действительно, – после чаёв с черноплодной рябиной мать, заметно повеселевшая, – то ли от того, что удалось испортить Лене праздник, то ли и правда поздоровев, – уже снова была на ногах и кричала яростно на Лену: «Бандит, бандитская рожа, как ты с ним можешь... тьфу!!!»

Лена сбегала из дома к Алине. Та слушала ее излияния – как она скучает по Олегу – и говорила: «Ну позвони же ему, чем так маяться... – Нет, – твердо говорила Лена, – он такой серьезный, занятой, не буду я навязываться... да и настроения нет». Но Олег звонил сам: «Ты где? – У Алины». Он молча бросал трубку и уже вскоре раздавался звонок в дверь подруги: Олег являлся, чтобы отвезти Лену к себе домой. В своей холостяцкой чистой квартире усаживал ее на диван, пытался накормить ужином, смотрел на нее – не причесанную кокетливо, не одетую заманчиво, без макияжа; говорил: «Девочка моя...» – и гладил ее по щеке.

Ночь, уже обычная питерская ночь, вспыхивала под ее закрытыми веками сполохами фейерверков страсти.

К тому времени Лена уже успела отдать Олегу свой паспорт – для оформления загранничного, – и однажды увидела его лежащим на полке рядом с паспортом Олега, затянутым в элегантную черную кожу. С замирающим сердцем, пока «лапочка и сладкий» заваривал чай на кухне, Лена заглянула в эту сакральную книжку каждого соотечественника, и самые главные в ней страницы для Лены приветствовали ее своей незапятнанной первозданной чистотой серовато-голубоватых строчек. Он не врал ей, что не женат.

«...Лучше бы смотрела, нет ли там отметки о судимости... – Алина испытующе изучала восторженный лик Лены, и добавляла: – А еще паспорт можно как бы „потерять“ и оформить новый... без всяких там „отметок“... с его деньгами еще и не такое можно устроить».

Ну что с нее взять. Она же не понимает.

«Это у тебя как болезнь, – говорила Алина. – Горячка. Нервная. Нервная горячка. Горячка нервная.»

«Любовь – высокая болезнь», – парировала Лена. На мгновение она казалась себе очень умной и возвышенной, но тут же испытывала легкий укол тревоги – а так ли уж все безоблачно? Подруга же никогда ей не врет. И не ревнует, это уж точно. Но она гнала это чувство, гнала от себя; она счастлива, а Алина просто не знает, что это такое – любить, она всегда такая трезвомыслящая, спокойная, уравновешенная, холодная... Она не влюблена.

«Я тебя люблю». Лена нежно заглядывала в черные, еще неуспокоенные глаза, ловила и пила всем сердцем еще горячий, страстный взгляд, только слегка подернутый пеплом любовной пресыщенности. Олег молча улыбался ей. И целовал ее. Говорил ей – нежно и убедительно: «Кукла ты моя. Куколка» – и снова целовал.

Лена думала, что такое его сопротивление лирическим признаниям – следствие независимого характера. «Не иначе, как он думает, что за его признанием в любви, обязательно должно последовать предложение жениться... Ну что с него взять... старый холостяк...»

Но в остальном Олег сделался вдруг разговорчив:

«Правильно делаешь, что мало пьешь. Бабе спиться – как не фиг делать...»

«Вот скажи мне – на фигу бабе вообще работать? черта ли так горбатышься, работай поменьше... не хочу, чтобы ты устала...»

«Платье – в кайф, а где плащ? Да насрать что лето, в Питере не лето, а отстой...»

«Кофта – зашибись. Ну, блузка... Ты чудо...»

«Незабудка ты. Красотка...»

«Как тебе платье идет... и без платья идет. Да тебе все идет».

«Это где ж такие попки делают? И ножки? В спортзале? Не гони, не может этого быть...»

«Белокурая, зеленоглазая... принцесса моя...»

«Курить запрещено. И матом не ругайся, слышь, а то выдеру».

Он по-прежнему ничего о себе не рассказывал.

...И однажды, еще не отойдя от жаркой любовной схватки, вся в поту, не успев толком отдышаться, Лена выпаливает:

– Хочу за тебя замуж, детей от тебя хочу, двоих как минимум... я так тебя люблю, скажи мне, скажи...

И он, тоже весь еще покрытый испариной, крепко обнимает ее, смотрит с нежностью. Опять это, опять этот взгляд как на малолетнюю, с досадой думает Лена... Опять он отмолчится?

– Детей... – Он вздыхает, целуя ее в висок, вдыхает запах ее волос, – да хоть прям щас, в сортир только схожу, ненадолго, и – вперед, давай делать...

Лена хихикает.

– А «взамуж»?

– А взамуж... – Он умолкает. – Привык я один. Мне так легче. Проще. И – все равно так уже и случилось. Что не женился никогда. Мне лет-то уже много.

– Да какое там! – досадливо мотает она головой. – И в пятьдесят люди женятся и детей рожают.

– Ну, так это они уже – не первый раз, правильно? – рассудительно замечает Олег. – Кто у тебя в таких знакомых?

– Мой отец женился снова в сорок восемь. Ребенка родили. Жена у него... на одиннадцать лет, что ли моложе. Была.

– Почему «была»?

– Потому что... погиб он. Убили.

– Кто?

– Неизвестно. Он «бомбил» по ночам, и однажды пропал. Летом было, в августе. Потом позвонили из ментовки – приезжайте, опознайте. Машина его типа, сбила и переехала. На опознание я пошла. И этот, как его, забыла, ну который в морге работает – показал мне маленькое отверстие за ухом у отца. Я спросила: что это? Он сказал – пуля. Нет, он ни в чем никогда таким не участвовал! Он просто честно бомбил по ночам... Просто, видно, кого-то повез в эту жопу...

– Прекрати, сказал же.

– ... и его случайно пристрелили. Или переехали... Денег при нем не было. На машину – старая шестерка – не позарились.

– А где его нашли? – спрашивает Олег.

– У озера Медное, знаешь такое?

Он медлит. Лена вдруг чувствует что-то будто скользкое, промелькнувшее между ними – не чувство, а скорее, след чувства, как мелькнувший в углу, в полумраке, в щели у плинтуса, в родной тихой чистой квартире, – хвост подвальной чужой крысы... какой-то призрак. Лена беспокойно морщит нос, прислушивается...

– Знаю. Там разборки бывали, лет семь назад. Какой год-то?

– Девяностый. Да. Вот самая жо... самая задница, то есть. Вот и заявление брать в ментовке долго не хотели – кому это надо, скажи... А надо мной измывались как? дочь, типа не имеет права подавать заявление, должна только жена. Какого черта. Вы совершеннолетняя и к нему уже отношения не имеете. Так, а если бы мне было шестнадцать, я бы не вообще не могла подавать никаких заявлений.... Скоты... а как нас с матерью от метро гоняли, когда мы там клюкву пытались продавать! Уроды, взяточники...

Лена увлекается негодованием и не сразу замечает, что Олег, продолжая обнимать ее одной рукой, улегся на спину и неопределенно смотрит в потолок.

– Что? Вспомнилось что-то?

Он тихо гладит ее по спине.

– Нет. Спи. Спи, забудка.

...Он не сказал ей четко – «нет». Она его переубедит. Она сможет. Станет самой дорогой для него, и он согласится с ней. А в принципе, можно и без штампа в паспорте жить. Живут же... спать... боже, как хорошо... во всем теле благодать... с ним...

Лена засыпает, уютно уткнувшись носом Олегу в правую подмышку.

Она просыпается через пару часов, как от толчка (такая привычка появилась у нее совсем недавно) и видит, что Олег по-прежнему лежит на спине и смотрит в потолок. Он также по-прежнему обнимает Лену, и она снова засыпает.

– ... Ты с ума сошла! С ума сошла! Ты хоть понимаешь, как ты влипнуть можешь? С чего ты взяла, что к нему можно обратиться...

Алина в ярости ломает уже вторую сигарету, пытаясь закурить.

– Да я же не сейчас вот прямо к нему обратиться...

– Да не думай ты даже! Ты его не знаешь вообще, а если спросишь, – тебе не скажут. Неужели мало того, что ты там уже видела в этом доме-дворце.

– Алина, мне кажется, он – просто бизнесмен. Ну, они же тоже... И потом. Ведь он, согласишься, как-то ближе к тому... к тем... ну, к таким людям, которые...

– Лена, не суйся ты, ради бога! «Мне кажется». Мало ли что тебе кажется! Ты сейчас вообще не в себе, ты это понимаешь? Опасно это может быть, неужели же ты не понимаешь?

– Я все понимаю. Но я хочу знать. Кто его убил. Как я найду людей, которым можно доверить и информацию и деньги? Ну, он – как поручитель такой...

– Поручитель! – лицо Алины искажается, как от плача, – держите меня семеро... Да судя по твоим описаниям его – самым первым, а не тем дифирамбам, которые ты поешь сейчас, когда втюрилась в него уже по самое некуда – там клейма ставить некуда. Поручитель! Авторитетный бизнесмен! А тюрьма по нему не плачет?

– Во-первых, бизнесмен, да. Несколько автосервисов в городе. Во-вторых – не пойман не вор. А в-третьих – пусть степень его вины устанавливает суд, самый гуманный суд в мире...

– Да какие такие суды! Да они там же, где и милиция...

У Лены становится несчастный вид, и глядя на нее, Алина смягчается:

– Ну хорошо, ладно... Но как ты узнаешь? Как он узнает? Свидетелей нет. Уголовного дела нет. Столько времени прошло. В заключении о смерти прикопаться не к чему. И даже тело вы кремировали...

– Да, потому что так было дешевле. Вот дураки-то... Сейчас я этого ни за что бы не дала сделать. А что касается свидетелей... Ведь не тридцать лет прошло и не сорок. Что-то или кто-то же должно было остаться. Всегда что-то остается...

Алина молчит и с сомнением долго смотрит на Лену. Потом говорит:

– Я не хочу тебя пугать, но... Откуда нам знать, не относится ли он вообще именно к тем людям, которые как раз... ну, причастны к смерти твоего отца?

Лена лезет рукой в затылок, треплет там пышные локоны:

– Да я тоже об этом думала... Но... – Внезапно просияв: – Знаешь, что? Молния два раза в одно место не ударит!

Алина, хватаясь за лоб, безнадежно шепчет:

– Вот дура.

Она качает головой. Смотрит на подругу молча.

Лена чувствует неловкость и говорит уже гораздо серьезнее:

– Я не знаю, как, не знаю, что, но чувствую – это мой дядька, будет моим, по крайней мере, я очень этого хочу, и он очень непростой человек, он многое может... Да и просто – я этого хочу! мне это нужно. Мой это мужик! И потом – ну какова вероятность того, о чем ты говоришь? Город-то огромный. И вообще – это же не повод, чтобы вообще ничего не делать. Помнишь, как мой куратор в Универе говорил: «Делай, что должно и пусть будет что будет...»

Подруга переживает, злится, негодует, злословит – «мужик – в попу вжик»; потом притихает, вздыхает, качает головой, с сомнением и жалостью смотрит, закуривая пятую-десятую сигарету, снова качает головой... Потом, опять вздохнув, печально кивает Лене: что же... давай...

А на что иначе нужны друзья?

* * *

...Неожиданно выяснилось, что Олег хорошо рисовал. Увидев впервые причудливые разводы и затейливые завитушки на полях какой-то валявшейся у него дома газеты, Лена спросила, есть ли у него наброски, но он ее не понял. Никаких набросков он никогда не делал, рисовать тоже не учился. Он просто чирикал что-то обычной шариковой ручкой, разговаривая по телефону, думая о чем-то, коротая время, и относился к своему рисованию, как к не самой хорошей привычке – скептически. То, что появлялось на бумаге в такие моменты, наверное,

могло бы стать хорошим материалом для психоаналитика, но Лена категорически, сама перед собой, не хотела оценивать Олега таким образом. Она и сама иногда рисовала, поджидая ответа у телефона, все эти пересекающиеся круги, квадраты, прямоугольники, звездочки, шахматные решетки, кресты, домики...

Но то, что у другого было просто почеркушками, у Олега смахивало на фламандские кружева. А однажды она случайно увидела разворот его черного дорожого ежедневника, толстого, как амбарная книга. Он рисовал ещё и оружие. «Тэтэ... да, пистолет, – нехотя отвечал он на расспросы, – этот – Макарова... Беретта. Глок... Да нравится просто, «зачем...» Рисунки были похожи на ожившие чертежи... Еще он рисовал по памяти листья дуба и клена, рисовал кедры и сосны, кучерявые папоротники, рядом вдруг могла появиться толстая важная улитка с затейливой раковиной, или, вся извернувшаяся, как в судороге, ящерица, похожая на ювелирное украшение; следом шел строгий крест, вписанный в круг, а потом – мощный церковный купол со скульптурами по его круглому основанию... «Исаакий!» – ахала Лена... Рисунки были все те же – простой шариковой ручкой. Нарисовал однажды ее, Лену, она хвалила безмерно (из лести), но честно должна была бы признать, что... получилось не очень.

Что интересно – Олег это сам понял. Рисунок он выбросил, сказав – «в жизни ты лучше».

Рисунки все были грубоваты, линии – по-мужски угловатыми, но четкими, ясными; штриховка – плотной, густой... Изображения были небольшими: они заполняли пустоты вокруг главного содержимого ежедневника, а это была информация – телефоны, адреса, ведомые аббревиатуры, цифры... Имен при этом не было, но эти записи, тем не менее, всегда оставляли вокруг себя пустые места, словно специально предназначенные для рисунков. Ежедневник как будто существовал в основном ради того, чтобы Олег нарисовал там очередной пистолет, а не вывел очередную сумму из каких-то слагаемых, не записал подряд штук двадцать номеров телефонов, не перечислил несколько адресов, – сокращённых, но иногда узнаваемых: Фон, Сув, или Кам, – Фонтанка, Суворовский, Каменный остров...

Суровый, каменный, гранитный, парадный Петербург также присутствовал на этих рисунках, – фрагментами барельефов, обрамляющих слепые окна старых домов, изломанными изображениями недобитых вандалами наддверных витражей, головками младенцев-путти, порхающих по облупленным фасадам, фигурками морских коней с запыленных решеток невских мостов... Впрочем, что мордашки путти, что морды морских коней, – все они у Олега выходили каким-то страховидными... Оружие у него получалось лучше.

– Как здорово, как красиво, – искренне говорила Лена, разглядывая новый рисунок. («Он не художник, конечно, – мелькало у нее при этом в голове, – ему бы учиться и учиться, но все равно – надо хвалить...») – А меня вот бог «убил» – рисовать, я кружочек не могу изобразить ровно, – всегда яйцо получается.

Олег смотрел на нее, начиная улыбаться, все шире и шире, и снова сжимал губы, привычно скрывая улыбку; потом склонял большую лобастую голову набок и рассматривал Лену – глаза теплые:

– Давай, нарисую я тебе кружочек... Где? Здесь? Здесь? Или – здесь?

Удивительно. Взрослый мрачный мужик, а иногда игривый, как кот. Вот сейчас он, мягко касаясь Лениного тела, шуточно прикладывает ладонь, задерживая ее то у нее на груди, то на животе; заглядывает в глаза Лене, спрашивая; она поддерживает шутку и кивает на каждый вопрос... Он уже и не спрашивает, просто держит ладонь на ее животе, а она кивает снова. Кивает снова и снова. И улыбается.

Они смотрят друг на друга. Улыбки замирают. Шутки затихают. Все вдруг становится очень серьезно.

Секс – это как лавина в горах, мечтательно размышляла Лена. Много снега и крутой склон горы – и она будет сходить регулярно. Гора – ясен пень, это ваши жизненные обстоятельства. А снег – это ваша с ним влюбленность.

Лавина сходит и засыпает все – ущелье, скалу, холм и впадину. Ровно все. Гладко. И тихо. Неправда, что после соития грустно все живое: на влюбленных это правило не действует. Скорее, соприкоснувшись душами, а не только телами, попадают они в то заповедное место, где несколько иное отношение ко всему сущему. Без оглядки на пол, на возраст, на счет в банке. Одно на двоих и общее. Жаль, что это быстро проходит, но...

Проходит вообще все.

СПОРАНГИИ

– ...Ты куда это собралась на ночь глядя? Опять к своему бандиту?

Мать появилась в коридоре, когда Лена уже обувалась (Олег позвонил), и поскольку тон матери был откровенно неприязненным, она тоже ответила сквозь зубы:

– Гулять...

Мать удивительно ловко вильнула своей огромной тушей в комнату, и через короткое время вышла оттуда, пряча руки за спиной. Лена продолжала бороться с застежкой босоножки, отпихивая локтем мешающую сумочку, глядя исподлобья.

Что у нее в руках?

– Ты куда не пойдешь.

– Это еще почему.

– Да потому!.. – мать задохнулась, – потому что я не хочу выслушивать от всех, что у меня дочь – шлюха! Только шлюхи с бандитами спят! Да еще он старше тебя на двадцать лет!

Лена застегнула пряжку, выпрямилась и посмотрела на нее:

– И что с того? И что – только потому что я хорошо выгляжу, я являюсь шлюхой? Лучше мне забить на все и ходить лахудрой, орать на всех постоянно, и чтобы от меня в сорок ушел муж? Это лучше, по-твоему? Или...

Раз-раз! Что-то мелькнуло перед лицом Лены, отчего лоб и щеку вдруг ожгло как будто огнем, и – раз! – жгучая боль куснула левый глаз, как оса, Лена откинула назад голову, зажмурилась и только здесь выставила вперед руки, и их тоже – раз, раз, раз – ожгли хлесткие удары...

...Все произошло настолько быстро и страшно, что не сразу она увидела в руках у матери сыромятную «фамильную» плетку-треххвостку, которая жила в доме с незапамятных времен. Вроде дед когда-то купил ее для воспитания собаки... Удары плеткой продолжали сыпаться, – по лицу, по рукам, по шее, левый глаз пекло, как будто в него мыло попало... Лена, прижмурив глаз, и закрывалась руками и пыталась отпихнуть взбесившуюся фурию от себя, и наконец, под градом ударов по голове и шее, повернулась к двери... Но сильная, памятная по детству, безжалостная рука ухватила ее за плечо, рванула, развернув опять к себе лицом – и удары посыпались снова на голову и руки... Жалящая боль заставляла Лену судорожно дергаться, сжиматься, зажмуриваться...

Наконец, она извернулась, коленом пнула в мягкий, огромный, толстый живот, потом ударила в него боком; почти ничего не видя перед собой, дернула «собачку» замка, рванула на себя дверь и – вывалилась на темную лестничную площадку...

– Домой больше не приходи!!! Слышишь?!! С милицией выставлю! Ты здесь больше не живешь!!!

Крик матери разнесся по всему подъезду, эхо заметалось по лестничным пролетам, и закрывшаяся дверь хлопнула как пушечный выстрел – Лена подпрыгнула на месте; и тут она вдруг поняла, что не может открыть от боли левый глаз, в него как будто иглу воткнули; кожа обнаженных рук как будто вспухала и ее жгло, саднило... Лена стала спускаться по лестнице: вон, вон отсюда, наружу... Вышла на улицу, где уже темнело, прижмурив левый глаз, мельком глянула на наливающиеся красным борозды на руках – их пекло огнем...

...И только здесь она поняла, что ее выгнали из дома.

Делать-то что? Что делать?

К глазам подступили такие предсказуемые и такие же непрошенные слезы, и... левый глаз чуть ли не взорвался изнутри требовательной, жгучей и пульсирующей болью – еще бы, слезы-то соленые! И тушь потекла! Она прижимала пальцы к глазам и тут же отдергивала их,

стояла на улице слепая на один глаз, беспомощная, плакала, подвивая от отчаяния, и не знала, что делать.

В этот момент в сумочке зазвонил телефон. Она достала его наощупь и увидела здоровым правым глазом на светящемся экране – «Олег», хотела уже нажать «Ответить» ... но тут защищало от расплывшейся туши и этот глаз...

От отчаяния она зажмурилась и двинулась куда-то вслепую, плача и сжимая телефон в руке. Побрела в направлении дороги, но тут же поняла, что была неправа, услышав рычание машины за спиной и резкий сигнал. Лена остановилась, не зная, куда ей идти, стояла и плакала, опустив голову, держась за левый глаз, поскуливая: боль в нем была жгучей, непроходящей и оттого пугающей, второй щипало также немилосердно... Телефон все надрывался в ее руке – и вдруг замолчал.

Тут кто-то схватил ее за руку и сказал знакомым тихим и хриплым голосом:

– Что с тобой? Лена?

Олег забрал у нее замолчавший телефон, взял жесткой горячей ладонью её руку и повел – к машине, как оказалось. Стукнула дверца, он усадил Лену на переднее сиденье, придерживая, как в американском полицейском боевике, ее голову; уселся сам – машина дрогнула...

– Кто? Кто это сделал? Ты слышишь меня? Лен...

– Мать...

Глаза черные стали по-настоящему страшными. Она увидела это, только мельком глянув в них, потому что отворачивалась от него, стыдилась своей изуродованной, вспухшей физиономии, расплывшейся липкими разводами туши, стыдилась слез... Он взял крепкими пальцами ее за подбородок и силой развернул лицо к себе. Лена жмурилась, чувствуя расплывающиеся под веками слезы, дикую, на грани терпения, раздирающую боль в левом глазу... Олег молчал и слегка поворачивал ее лицо из стороны в сторону. Смотрел долго и она решилась, часто моргая, преодолевая боль, приоткрыть один глаз: Олег внимательно и бесстрастно (как врач, подумала она), рассматривал ее щеки и лоб, следы от плетки на них; строго приказал – «смотри вверх; ясно, что – „не могу“, смотри»; убедившись, что Лена не может открыть левый глаз, сказал: «Она тебе глаз повредила, едем на Моховую, в глазной центр».

«...Вообще-то, – сказал врач в приемном отделении центра, – вообще-то – такой тяжести травмы, ее побои, угроза зрению, я бы должен был в милицию позвонить... Но раз это – мать, может сами разберетесь?» Лена, намучившись болью, равнодушно молчала. «Сами», – внезапно сказал Олег.

Он поселил ее в своей квартире, и возил на перевязки. Варил пельмени, заваривал чай, приносил ей пирожные. Отнимал у нее, одноглазой, тряпку и швабру, когда она пыталась делать уборку у него дома. Но чаще всего он занимался своими делами: в одной из комнат квартиры стоял компьютер, телефон, факс и принтер, стол, диван и полки были завалены какими-то бумагами, вроде – техническими инструкциями, на полках стояли какие-то книги и присутствие Лены в этой комнате не приветствовалось. Оставшись снова одна, Лена сидела и молча кусала губы. Плакать боялась – было страшно за глаз. Ее мало беспокоило то, что Олег теперь предпочитал спать на диване в другой комнате – о сексе сейчас и думать не хотелось, нет, а вот где она теперь будет жить? Что будет с глазом? От страха ее подташнивало...

...Когда отец ушел в другую семью, он хотел забрать Лену от матери: та всегда была скоро на расправу, и частенько лупила обеих девчонок, а Лене, как старшей, да еще «отцовой дочке», его любимице, доставалось больше. Новая жена отца уже прописала Лену в своей квартире, но переезд так и не состоялся. До смерти Сергея Николаевича совместная жизнь у них не задвинулась по ряду не зависящих от Лены причин, а после его смерти уже никаких причин и не имела. Дальше – хуже: вдова снова быстро вышла замуж и уехала с новым мужем в Москву, в квартиру вселились ее родственники, они как-то сумели быстро приватизировать квартиру и вол-

шебным образом Ленина прописка в ней исчезла... Такое явление было нередким, но Лене совершенно было тогда недосуг затевать тяжбу с этими людьми...

«Подлец какой, – сказала Ленина мать по этому поводу, имея в виду мертвого отца, – ну, а ты чего хотела?»

И теперь, изгнанная из материнского дома, Лена осталась бездомной.

«Квартирный вопрос их испортил... – тоскливо вспоминала она фразу великого Булгакова. – А что, если матерью с самого начала так и было задумано? Номинально же у меня своя жилплощадь есть, то есть – была, а отношения с „бандитом“ – повод выгнать меня к чертовой матери... Не зря же она когда-то согласилась на эту „прописку“ к отцу...»

От этих мыслей становилось еще поганей.

Внимательно Лена следила здоровым глазом за образом жизни внезапного своего сожителя и спасителя: домосед и молчун, иногда он внезапно «подрывался» куда-то и уезжал надолго, возвращался часто далеко за полночь. После таких отлучек приносил ей маленькие подарки – цветы, иногда просто незатейливый пестрый букет из всякой садовой мелочи, которые продают старухи возле станций метро и подземных переходов, или коробку конфет, купленную в ближайшем магазине «24 часа», или здоровенный пакет с северной нежной клубникой – лето в Питере шло своим чередом... Однажды этим подарком оказалась дореволюционного года выпуска книжка «Жизнь двенадцати цезарей»... Уличные книжные «развалы» у станций метро не были редкостью, но – раритет же... На удивленный Ленин вопрос – «где купил?» – Олег ответил – «ночью в Питере можно слона купить или продать, и не заметить...»

О да, это было так! И ночью, и днем. Лена вспоминала, как ездили с Алиной закупать продукты по дешевке на Сенную площадь... Тогда, лет семь назад, весь город превратился в один вещевой рынок.

Вот и на Сенной – тоже.

Все нужное и ненужное было разложено здесь, на клеенках на земле, на ящиках, на коробках, на газетах...

...рыбные консервы, «тушенка», копченая колбаса, простыни с мелким штампом «Минздрав» по всему полю, колбаса вареная, сырое мясо (неизвестно чья вырезка, возможно, даже свины), сушеная рыба, вязаные носки и салфетки, слегка заржавленные гвозди-«десятка», матрешки с лицом Горбачева и Ельцина, самовар, стопки партийных и комсомольских билетов, ордена – «Ленина», «Красного знамени», медаль «За отвагу», солдатская шинель, женские бюстгалтеры, детские колготки, водка, «Советское шампанское», опять банки свиной «тушенки», аудиокассеты, деревянные шахматы, тонометр, пачки соды, пачки «Беломора», меховые шапки-ушанки, и военная одежда, и китель полковника ВВС с орденскими колодками, и армейские кирзовые сапоги, и детали непонятного назначения, с проводками, отечественная косметика – помада и крем – прямо на картонном ящике на снегу, и опять – обувь мужская и женская, и детская!

Таким же разношерстным, как ассортимент этих развалов, был народ, их продававший. А одно время, летом, можно было видеть на Сенной мужика – пожилого, раскосого, бледного – с характерными признаками лепры, проказы... Начитанная Алина возбужденно шептала Лене

на ухо: «Посмотри, посмотри на него – „львиный лик“, утолщения на скулах и надбровных дугах, выпавшие брови... Классика, как на фото в учебнике...» Другой, еще молодой парень, сидел по пояс голый на ящике у здания Гауптвахты, и на груди у него красовалась огромная синебагровая опухоль. Легкомысленная Лена думала, что «это просто такой большой прыщ», пока дома Алина не показала ей в справочнике по венерическим болезням фотографию сифилитической гуммы...

Лена, содрогаясь, поведала об этих случаях Олегу. Он выслушал на удивление внимательно и уронил внушительно, но непонятно: «Выгнали... Как хочешь, так и живи. Эх, коммунаки...»

Олег гораздо больше знал об этой жизни, чем она, Лена.

Совместную с ним жизнь в его квартире можно было бы назвать «как у Христа за пазухой» – тихо, спокойно, сыто и довольно. Если и мешала она, Лена, по Олегу это было совсем не заметно.

Но все равно она упрямо думала о том, что нельзя ей постоянно жить здесь: ведь он ей ничего не обещал.

С жильем что-то надо было делать.

Надо было, как бы ей не было неохота – помириться с матерью.

Но Олег совершенно не поддержал ее в этом. Когда Лена, запинаясь и смущаясь, сказала ему, что хочет вернуться домой, – поговорить и помириться, – он взглянул на нее, задрал правую бровь (что было признаком очень большого его удивления) и спросил: «Чтобы опять исполосовали?» Помолчав, добавил тихо: «Если вернешься ни с чем – обратно не приму».

Глаза у него при этом мрачно блеснули.

И Лена испугалась. Испугалась до дрожи в коленях.

И, пометавшись день в растрепанных чувствах по пустой, похожей на гостиницу Олеговой квартире – ее хозяин куда-то ушел надолго, – сделала свой выбор.

Она осталась. Никуда не поехала.

После этого Олег, чем-то очень довольный, возил ее по загородным ресторанам, где Лена садилась спиной ко всем остальным столам и читала меню, не снимая черных очков. Чтобы она не скучала дома одна, он купил ей компьютер. Лена быстро освоила клавиатуру как пишущую машинку, и вспомнила о диссертации.

Но для этого надо было выходить в город, ездить в библиотеку и в Университет... С повязкой на глазу? Лене не хотелось досужего интереса. И пока Лена просто помогала Алине – набирала на компьютере статьи подруги.

В истории с матерью Алина твердо стояла на стороне Лены. Без объяснений, без причин.

Олег очень удивился ее умению печатать. «Ленка-пулеметчица!» – хмыкал он довольно, глядя, как стремительно растут на экране цепочки строк.

Тем временем, повязку с глаза сняли, зрение у Лены восстановилось. Оставался еще «визор Терминатора», как прозвала она здоровенное красное пятно – кровоизлияние на белке левого глаза... Она разглядывала его в зеркале и мрачно отворачивалась: такая штука чью угодно физиономию испортит... Но в очередной момент самобичевания Олег подошел к ней, положил руки на ее плечи, посмотрел на нее в зеркало и сказал дружелюбно: «Не парься, пройдет».

Лена давно уже усвоила правило: если Олег изрекал нечто очевидное, – ей следовало побыстрее соглашаться с ним, попутно подчеркнув ум и мудрость изрекающего: как она заметила, это действовало на него безотказно и абсолютно благотворно. Она, Лена, в данном слу-

чае, не рисковала ничем: сарказм он был способен почувствовать, но предпочитал его попросту игнорировать. И это Лене тоже очень нравилось: что плохого в полностью уверенном в себе человеке, мужчине?

И теперь она поспешила согласиться: «Да, конечно, пройдет, ты прав. Абсолютно».

Но Олег ее опять удивил. Он помолчал и потом спросил: «Тогда чего маешься?» Лена нехотя выдала ему незамысловатую историю утраты своего жизненного пристанища и мрачно замолчала. «Всего-то? – спокойно сказал Олег, – хочешь, живи у меня. У меня трехкомнатная хата еще есть на примете».

Лена взглянула на него настороженно, но сдержалась, спрятала недоверчивый взгляд и сказала с неуверенной улыбкой: «Так ее можно же сдавать... дорого... – Мои бабки считать будешь? – хмыкнул Олег, – хочешь или нет, говори, не тяни...» У Лены вдруг мелькнула мысль, что ему, явно давно привыкшему к одиночеству, предложение жить вместе далось непросто. «Да, хочу, – быстро ответила она, – очень хочу, спасибо тебе, спасибо...» – и уже повернула голову, чтобы поцеловать ему руку, но новоявленный сожитель вдруг вцепился каменными пальцами в ее плечи с такой силой, что Лена охнула и улыбнулась; Олег подхватил ее со стула, и, ворча – «я сейчас лопну просто», – потащил на кровать...

Стороны скрепили договоренности пылкими объятьями, практически сразу перешедшими в соитие, которое скоро, и вполне триумфально, завершилось, приведя их, стороны, к полному взаимному удовлетворению.

Лена съездила вместе с Олегом в материну квартиру – забрать кое-какие вещи. Открыла дверь своим ключом... Мать – огромная, как гора, задыхающаяся от жира, с черными кругами и мешками под глазами – прямо в коридоре кинулась на Лену с грязной руганью, уже замахнулась, но тут в подъезде, прямо за их дверь, мужской голос громко и хрипло прокашлялся, и она остановилась... Замершая было в испуге Лена сразу поняла, что это Олег, и что он сделал это специально... И тогда она быстро проскользнула мимо насторожившейся матери в свою комнату, на пороге вытаращилась на огромный постер с каким-то, по виду, абсолютным безумцем с мелово-белым лицом, испуганно прочитала внизу плаката «Мэрилин Мэнсон» и кинулась к шкафу за своими документами... В коридоре она еще подхватила свои кроссовки и валявшиеся тут с незапамятных времен джинсы. Больше ничего Лена из этой квартиры не взяла...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.